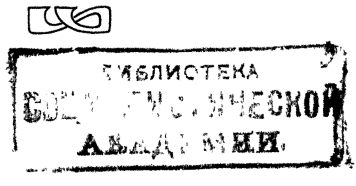
Ѳ. Е. МЕЛЬНИКОВЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПРОСЫ СТАРООБРЯДЧЕСТВУ.

МОСКВА
Тип. Т-ва Рябушинскихъ Страстной бул. Путинковскій пер., с. д
1915

Θ. Е. МЕЛЬНИКОВЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПРОСЫ СТАРООБРЯДЧЕСТВУ.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ.

МОСКВА.
Тип Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковскій пер., с. д.
1915

2702

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ теченіемъ времени все новыя и новыя волны ударяютъ о старообрядчество, усиливаясь разрушить его или по меньшей мѣрѣ расшатать его основанія

Съ самого начала русскаго церковнаго раскола, созданнаго такъ называемыми реформами московскаго патріарха Никона, старообрядчество обвиняли его враги въ страшныхъ еретичествахъ, будто бы заключающихся въ содержимыхъ имъ обрядахъ, главнымъ образомъ, въ двоеперстіи; обвиняли старообрядчество и въ содержаніи новшествъ, будто бы введенныхъ въ русской церкви незадолго до патріаршества Никона который, наконецъ, выбросилъ ихъ изъ церкви и возстановилъ въ ней древнія церковныя преданія Обвиняли старообрядчество въ грубомъ невѣжествѣ и темнотѣ, въ незнаніи простой грамматики, въ неумѣньи разобраться въ книжныхъ ошибкахъ и опечаткахъ. Всѣ эти и другія однородныя съ ними обвиненія рухнули подъ напоромъ научныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій о старообрядчествѣ и древней русской исторіи. Теперь безспорно установлено наукой, что въ старообрядческихъ обрядахъ и книгахъ нѣтъ ничего ни еретическаго, ни погрѣшительнаго, научными изысканіями также безспорно установлено, что содержимые старообрядцами обряды идутъ изъ глубокой древности, во всякомъ случаѣ они древнѣе самой церкви русской, введенные же Никономъ обряды—недавняго происхожденія Падаетъ постепенно и обвиненіе старообрядцевъ въ невѣжествѣ. Сама господствующая церковь начинаетъ понемногу исправлять свои богослужебныя книги по старымъ образцамъ, по тѣмъ самымъ, которые от-

стивали старообрядцы своей жизнью и страданіями. Пришлось гордому русскому синоду склониться предъ «незнаніемъ» старообрядцами грамматики и признать, что оно было разумнѣе, осмысленнѣе того «знанія», которое портило и искажало церковно-богослужебныя книги въ никоновскую эпоху

Старыя обвиненія, предъявлявшіяся къ старообрядчествѣ цѣлые вѣка нынѣ окончательно отпали; въ наше время повторять ихъ осмѣливается только какой-нибудь дѣйствительный невѣжда, начитавшійся однѣхъ старыхъ сказокъ о старообрядчествѣ Но на смѣну старыхъ обвиненій явились новыя. Въ сущности ихъ нельзя признать совсѣмъ новыми, за ними большая давность. Но они живутъ еще до сихъ поръ. Старообрядчество обвиняютъ въ томъ, что оно не имѣло долгое время въ своей средѣ епископовъ, что оно съ 1846 г «завело» у себя новую іерархію Нужно смѣло заявить, что и этимъ обвиненіямъ осталось не долго жить. Подъ напоромъ всесокрушающаго времени они будутъ смяты, какъ пыль

Обвиняютъ старообрядчество, вѣрнѣе бы сказать—обвиняли, и въ томъ, что оно будто бы чуждается широкаго, всесторонняго научнаго образованія и просвѣщенія. Вся исторія старообрядчества, особенно теперешній ея періодъ опровергли это обвиненіе какъ нелѣпый вздоръ.

Въ наше время возникаютъ новыя обвиненія противъ старообрядчества. Впрочемъ, ихъ нельзя назвать въ полномъ смыслѣ обвиненіями, скорѣе это только запросы, предъявляемые старообрядчеству.

Совмѣстимо ли старообрядчество съ современной культурной жизнью? Вотъ первый ему запросъ, который ставятъ уже не враги старообрядчества, а его друзья и даже сами старообрядцы въ своемъ молодомъ поколѣніи.

Способно ли старообрядчество развиваться въ своей внутренней духовной жизни, при чемъ въ такомъ видѣ и направленіи, чтобы это развитіе шло въ уровень вѣка? Вотъ

второй запросъ, предъявляемый старообрядчеству, онъ собственно служитъ продолженіемъ перваго.

Старообрядчество не можетъ и не должно отвертываться отъ этихъ запросовъ. Какъ великая духовная сила, дѣйствующая во времени и пространствѣ, постоянно стремящаяся къ «завоеваніямъ» въ окружающемъ ее мірѣ, старообрядчество непрестанно должно имѣть въ виду свои задачи и принимать всѣ мѣры къ тому, что бы эти задачи осуществлялись. Старообрядчеству необходимо считаться со всѣми препятствіями (какія бы они ни были), которыя стоятъ на его пути и мѣшаютъ ему итти къ намѣченной цѣли. Борьба съ этими препятствіями должна быть вполнѣ сознательной, разумной и отвѣчающей истинному духу Церкви Христа. Безъ ясно сознанныхъ и опредѣленно поставленныхъ задачъ и цѣлей немыслимо существованіе ни одного общества и никакого учрежденія. У старообрядчества, какъ Церкви, основная задача одна: приводить людей ко Христу. Но средства приведенія къ Христу многоразличны, при этомъ условіи самая задача эта усложняется, около ней возникаетъ цѣлый рядъ другихъ задачъ, которыя служатъ средствомъ осуществленія основной задачи. Просвѣщеніе, культурное развитіе, широкое образованіе, совмѣстное сожительство съ міромъ, сообразованіе съ его разумными и полезными требованіями, отношенія къ современной общественности и государственности и проч. и проч.,—все это входитъ въ жизнь и дѣятельность старообрядчества и со всѣмъ этимъ нужно справиться такъ, чтобы ничто не препятствовало развитію старообрядчества, какъ религіозно-церковнаго явленія.

Въ старообрядчествѣ нарождается своя интеллигенція, не чуждая церковно-общественной дѣятельности. Предъ нею стоитъ большая и отвѣтственная работа по устроенію старообрядчества въ новыхъ условіяхъ его жизни. Какъ будетъ выполнена эта работа,—это покажетъ, можетъ быть, очень

далекое будущее Сейчасъ трудно сказать по этому поводу даже гадательное что-либо Да и гадать безполезно. Нужно работать, а результаты работы сложатся, при помощи Божіей, сами собой.

Настоящее сочиненіе есть въ нѣкоторой степени попытка отвѣтить на предъявляемые къ старообрядчеству современные запросы. Удалась ли эта попытка, объ этомъ не намъ судить Сказать откровенно, мы только набросали сырыя мысли Разработать же ихъ или переработать—это дѣло уже другихъ лицъ Сочиненіе свое мы изложили въ формѣ бесѣды въ дорогѣ. Оно дѣйствительно написано въ дорогѣ. Форма эта дала возможность изложить различные взгляды на старообрядчество. Но далеко не всѣ взгляды, да и изложенные есть только наброски, при томъ спѣшные и безсистемные Старообрядчество ждетъ большой и серьезной работы о себѣ въ современномъ освѣщеніи Будемъ надѣяться, что молодыя силы старообрядцевъ дадутъ эту работу Сочтемъ за большое счастье, если настоящее наше сочиненіе послужитъ имъ хотя какимъ-нибудь подспорьемъ въ ожидаемой отъ нихъ работѣ

Бесѣды въ дорогѣ.

Нашъ пароходъ готовился къ «отчаливанію»: прозвучалъ послѣдній свистокъ, снятъ уже трапъ. Я вошелъ въ уютный и довольно вмѣстительный салонъ парохода. Здѣсь находилась избранная публика — пассажиры перваго и частью второго класса. Они вели себя непринужденно и даже развязно, по-домашнему: говорили не стѣсняясь, громко высказывали свои сужденія о городѣ, у котораго только что стояли, о его жителяхъ, о своихъ знакомыхъ, острили по адресу парохода не совсѣмъ исправнаго и безъ милости опаздывающаго въ путь. Кое-кто изъ пассажировъ курилъ, большинство смотрѣло изъ оконъ салона, слѣдя за медленно уходящей пристанью

За угловымъ столомъ салона сидѣли нѣсколько человѣкъ и горячо спорили. Бесѣда ихъ, въ общемъ мирная, спокойная, иногда принимала характеръ бурнаго и страстнаго диспута. Издали слышно было, что они обсуждали религіозныя темы. Заинтересовавшись ихъ бесѣдой, я попросилъ позволенія присоединиться къ ихъ группѣ, чтобы слѣдить за ея разговоромъ. Обсуждаемые ими вопросы оказались дѣйствительно интересными и жизненными. Шелъ споръ о старообрядчествѣ. Въ числѣ спорящихъ было трое старообрядцевъ: всѣ они — интеллигентныя лица, двое изъ нихъ получили высшее образованіе, третій — окончилъ только гимназію, но довольно начитанный человѣкъ, хорошо знакомый съ церковной и богословской литературой. Профессія его — сотрудничество въ газетахъ. Онъ—безпоповецъ федосѣевскаго согласія. Два остальныхъ старообрядца — поповцы Бѣлокриницкой іерархіи, одинъ изъ нихъ занимается адвокатурой, другой со-

стоитъ директоромъ реальнаго училища въ г. N—ѣ. «Вотъ она—старообрядческая интеллигенція», — подумалъ я Въ Москвѣ говорятъ, что она еще только нарождается, на самомъ же дѣлѣ она давно существуетъ Какъ я узналъ, всѣ три старообрядца родились въ интеллигентныхъ старообрядческихъ семьяхъ Нужно лишь объединить нашу интеллигенцію въ мощную организацію и дать ей нужное направленіе. Это — неотложное дѣло текущаго момента

Любопытно, съ чего начался религіозный разговоръ въ пароходномъ салонѣ. Одинъ изъ старообрядцевъ, именно директоръ реальнаго училища, садясь за чай, перекрестился, при чемъ сдѣлалъ это истово, по-старообрядчески. На него тотчасъ же обратили вниманіе До него многіе «крестились» на пароходѣ: то при проѣздѣ мимо какого-нибудь храма, то при отправленіи парохода, но крестились кое-какъ, точно отмахивались отъ назойливой мухи Такое «знаменіе» никого не удивляло: всѣ къ нему хорошо присмотрѣлись, какъ къ обычному и довольно-таки сѣрому явленію. Директоръ же перекрестился по-праздничному и съ благоговѣніемъ, словно онъ священнодѣйствовалъ. Въ немъ тотчасъ же признали старообрядца

— Вы старообрядецъ? — спустя нѣсколько минутъ, спросилъ его вездосѣвецъ-писатель, привыкшій въ своей практикѣ обращаться въ такихъ случаяхъ къ новому собесѣднику съ большой вѣжливостью и въ тонѣ почтительномъ и деликатномъ. Тонъ и вѣжливость его обращенія тотчасъ же расположили къ нему до интимной откровенности директора-старообрядца. Впрочемъ, тотъ и не думалъ скрывать своего вѣроисповѣданія. Напротивъ, онъ съ какой-то радостью и даже, какъ показалось безпоповцу, демонстративно отвѣтилъ

— Да, я — старообрядецъ. А вы? — въ свою очередь спросилъ онъ писателя.

Безпоповецъ отвѣтилъ, что и онъ старообрядецъ. Между

ними завязался разговоръ сначала личнаго характера. кто гдѣ живетъ и чѣмъ занимается, какого они старообрядческаго согласія, затѣмъ перешелъ разговоръ на темы общія старообрядчеству. Оба собесѣдника—и поповецъ и безпоповецъ—искренно сѣтовали и скорбѣли, что старообрядчество обезсиливается внутренними разногласіями и раздѣленіями. Не будь послѣднихъ, старообрядчество было бы единой Церковью, могучей, непобѣдимой

— Вѣдь насъ, старообрядцевъ, пятнадцать милліоновъ, можетъ-быть, даже двадцать, — горячо и возбужденно воскликнулъ старообрядецъ-федосѣевецъ. — Это — огромная сила, равная большому государству. При нашей выносливости, при нашей дисциплинированности, еще бы сплоченность и единодушіе, — мы могли бы тогда просто чудеса творить въ своемъ отечествѣ. Не посмѣлъ бы насъ тогда никто пальцемъ тронуть. Теперь же, того и смотри, начнутъ насъ въ собственной странѣ прижимать и насиловать. Какой-нибудь миссіонеръ, въ сущности, мелкая козявка, командуетъ вами, пишетъ на васъ доносы, устраиваетъ у васъ обыски. Въ итогѣ—на старообрядцевъ смотрятъ какъ на враговъ государства, закрываютъ отъ нихъ двери государственной службы, безъ всякаго разслѣдованія, просто по одному клеветническому доносу, сдираютъ съ нихъ офицерскій мундиръ. Вѣдь это Богъ знаетъ что такое. Насъ, коренныхъ русскихъ людей, собственной кровью создавшихъ Великую Россію, признаютъ негодными служить ей въ военномъ званіи, признаютъ даже опасными для отечества. Это возмутительно и ужасно. Да и кто признаетъ. Какой-то синодскій чиновникъ, способный на всѣ руки, какая-то ничтожная кучка невѣжественныхъ и озлобленныхъ миссіонеровъ. И имъ вѣрятъ, понимаете, вѣрятъ. Безъ присяги вѣрятъ, на одно только слово. Оклеветали они въ самыхъ низкихъ и коварныхъ преступленіяхъ огромную часть русскаго населенія, и имъ

за это ничего. Допустимо ли это въ правовомъ и благоустроенномъ государствѣ. А виноваты сами мы. Да, именно мы...

Писатель-старообрядецъ говорилъ взволнованно, часто возвышая голосъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе салонной публики. Около бесѣдующихъ двухъ старообрядцевъ начала образовываться группа слушателей Въ ея средѣ оказался и старообрядецъ-юристъ (адвокатъ) Онъ попросилъ позволенія вмѣшаться въ разговоръ

— Позвольте замѣтить, что дѣло объ устраненіи офицерскаго мундира улажено. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о производствѣ въ офицерскій чинъ устраненныхъ отъ него старообрядцевъ только по той причинѣ, что они—старообрядцы.

— Это я знаю,—какъ будто съ неудовольствіемъ продолжалъ писатель —Но, спрашивается, въ силу какихъ обстоятельствъ послѣдовала отмѣна министерскаго циркуляра о недопущеніи старообрядцевъ къ производству въ офицерскій чинъ? Не министерство же хлопотало объ этомъ. Только благодаря усиленнымъ ходатайствамъ бѣлокриницкихъ старообрядцевъ, или «австрійцевъ», какъ называютъ ихъ у насъ на Волгѣ, былъ отмѣненъ циркуляръ военнаго министерства, такъ глубоко и такъ несправедливо оскорбившій милліоны русскихъ людей. Хлопотали только одни поповцы. А наши безпоповцы молчали, они, что называется, и пальцемъ не шевельнули. Хорошо ли это? Справедливо ли тяготы всего старообрядчества возлагать только на одно согласіе, пусть передовое, пусть болѣе образованное и глубже другихъ понимающее нужды всего старообрядчества, но все же представляющее собою лишь одну его часть. Тутъ же нужно представительство всего старообрядчества—сплоченнаго, единаго въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ. О, если бы мы были не разрозненны, жили бы единой душой, всѣ бы вра-

ги наши смолкли, какъ мыши попрятались бы въ свои норы Тогда не могъ бы даже возникнуть вопросъ объ устраненіи старообрядцевъ отъ офицерскаго званія. Намъ, старообрядцамъ, крайне необходимо объединиться въ одну великую семью. Тогда мы будемъ внушительной силой. По-моему, это задача самая жизненная, не терпящая отлагательства, и выполнить ее не такъ уже трудно. Объединить все старообрядчество въ единой вѣрѣ и единомъ уповании, конечно, не легко, тутъ нужны длинные годы и чрезвычайныя усилія. Но я говорю не объ этомъ единеніи старообрядчества Нужно въ первую очередь объединиться намъ по общимъ нашимъ нуждамъ и вопросамъ. А такихъ вопросовъ и нуждъ у насъ цѣлыя горы. Необходимо сплотить въ одну всероссійскую организацію наши культурныя силы. Этой организаціи, слава Богу, уже положено начало московскимъ старообрядчествомъ. Какъ видно изъ газетъ, тамъ устраивается старообрядческое культурно-просвѣтительное общество. Но слѣдовало бы въ опредѣленные періоды собирать всероссійскіе старообрядческіе съѣзды изъ представителей отъ всѣхъ согласій, и на этихъ съѣздахъ обсуждать наши общіе вопросы. Я въ первую голову предложилъ бы на съѣздѣ—выработать планъ поступленія старообрядцевъ на государственную службу на всѣхъ ея ступеняхъ, начиная съ губернскихъ секретарей и кончая министрами.

— Вы проповѣдуете захватъ власти, — недоумѣвающе вставилъ г. юристъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. Я говорю о честномъ и законномъ служеніи старообрядцевъ отечеству и престолу Въ настоящей Государственной Думѣ всего только два старообрядца, а мы могли бы послать ихъ туда 20—30 и даже больше, и рѣшали бы тамъ наши вопросы такъ, какъ это намъ необходимо. Для этого нужно быть немножечко поэнергичнѣе, да чуточку посмѣлѣе, понастойчивѣе. Въ Государственномъ

Совѣтѣ мы не имѣемъ ни одного старообрядца Это намъ непростительно. Мы могли бы имѣть тамъ, по крайней мѣрѣ, пять старообрядцевъ: и въ земской средѣ и въ торговой нашихъ одновѣрцевъ хоть отбавляй. Къ нашему несчастью, мы мало заботимся объ общихъ нашихъ нуждахъ. Мы слишкомъ поглощены личными и сословными нашими интересами. Мы, какъ Марѳа, о многомъ заботимся и забываемъ «единое на потребу»—вѣчное, непреходящее.

Старообрядецъ-ѳедосѣевецъ долго и убѣдительно доказывалъ, что при желаніи старообрядцевъ они могутъ въ ближайшемъ будущемъ стать во главѣ государственной власти: въ одной губерніи будетъ губернаторомъ старообрядецъ-поморецъ, въ другой—бѣлокриницкій старообрядецъ, въ третьей—бѣглопоповецъ; то же можетъ быть и на министерскихъ постахъ.

— Почему старообрядецъ не можетъ быть министромъ? Почему?—возбужденно воскликнулъ писатель-ѳедосѣевецъ, и началъ перечислять извѣстныхъ старообрядческихъ общественныхъ дѣятелей. Всѣ они, по мнѣнію безпоповца, умнѣе и дѣльнѣе современныхъ министровъ и гораздо больше, чѣмъ послѣдніе, принесли бы пользы государству. Они не держали бы его въ мертвомъ тупикѣ, а оживили бы его, подняли бы всѣ его силы и дали бы имъ должное примѣненіе и направленіе.

Горячую и взволнованную рѣчь писателя, рисовавшаго свѣтлую картину будущаго старообрядчества, сильнаго не только своей внутренней духовной жизнью, но и государственнымъ положеніемъ, безжалостно охладилъ г. директоръ реальнаго училища. Онъ столкнулъ г. писателя съ оптимистической выси и поставилъ его на твердую почву дѣйствительности.

— Хорошо вы говорите и сладко васъ слушать,—обратился онъ къ ѳедосѣевцу.—Но нельзя убаюкивать себя од-

нѣми пріятными мечтами и радостными надеждами. Вашими бы устами медъ пить, но, къ сожалѣнію, намъ преподносятъ для питья чашу не съ медомъ, а съ горечью. Послушайте-ка, что третьяго дня было напечатано въ «Русскомъ Словѣ» (№ 140): «*Симферополь, 18, VI.* Попечитель учебнаго округа предписалъ директору народныхъ училищъ не допускать въ школы съ православными учащимися учителей старообрядцевъ». Какъ вамъ нравится это предписаніе? А оно не единичное. Учителей-старообрядцевъ, насколько мнѣ извѣстно, стѣсняютъ, и даже преслѣдуютъ и въ другихъ учебныхъ округахъ, и преслѣдуютъ только потому, что они старообрядцы. Въ то же время свободно допускаются въ училища съ «православными» учащимися преподаватели другихъ вѣроисповѣданій: римско-католики, протестанты, армяне и даже атеисты, способные развратить религіозную душу учащихся. Вы мечтаете о старообрядцахъ-губернаторахъ, о старообрядцахъ-министрахъ, а въ жизни даже учителямъ-старообрядцамъ нѣтъ простора.

— Это возмутительно,—заволновался даже юристъ-старообрядецъ, спокойно слушавшій мечтательныя рѣчи ѳедосѣевца.—Что вреднаго находитъ министерство народнаго просвѣщенія въ учителяхъ-старообрядцахъ. Они религіознѣе другихъ, нравственнѣе, благовоспитаннѣе. Въ большинствѣ своемъ они не курятъ и не пьютъ.

— Но вотъ эти-то качества,—подхватилъ писатель,—и нетерпимы въ нынѣшнемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Все свѣтлое, чистое, возвышенное оно изгоняетъ, какъ гибельный плодъ, изъ своего нутра. Подавай ему кого угодно, включительно до оо. Строковыхъ и профессоровъ Мережковскихъ, но только не старообрядцевъ. Незнающіе люди говорятъ, что между старообрядчествомъ и господствующимъ «православіемъ» все различіе только въ обрядахъ—въ перстахъ да буквахъ. Если бы на самомъ дѣлѣ было такъ,

то зачѣмъ бы понадобилось изгонять старообрядцевъ изъ офицерской среды,—не все ли равно два или три раза аллилуію говоритъ офицеръ. Да ему совсѣмъ не до аллилуіи. Однако вотъ почему-то военное министерство, по внушенію синода, нашло необходимымъ издать циркуляръ—не допускать сугубящихъ аллилуію до офицерскаго чина, словно мы проиграли войну съ японцами изъ-за аллилуіи. По стопамъ военнаго министерства идетъ и министерство народнаго просвѣщенія. И оно страшится двуперстниковъ и сугубоаллилуйниковъ. Дѣло очевидно не въ обрядовомъ различіи, а въ чемъ-то другомъ, болѣе глубокомъ и болѣе, серьезномъ, настолько серьезномъ, что министерства принимаютъ слишкомъ рѣшительныя мѣры и въ то же время явно несправедливыя, чтобы охранить «православную» среду отъ культурныхъ старообрядческихъ дѣятелей. Именно *отъ культурныхъ*, это я подчеркиваю. Культурные старообрядцы, нужно сказать объ этомъ откровенно, опаснѣе для мрака и предразсудковъ современнаго такъ-называемаго православнаго общества. чѣмъ отсталые и замкнутые наши одновѣрцы. Наши предки побѣдили злыхъ и до невѣроятности жестокихъ враговъ старообрядчества своимъ терпѣніемъ. страданіемъ, стойкостью въ вѣрѣ, непоколебимой убѣжденностью въ своей правотѣ, а мы, ихъ потомки, ко всѣмъ этимъ драгоцѣннымъ качествамъ, должны прибавить еще культурность, разумѣю ея въ здоровомъ и чистомъ содержаніи. Это—могучее орудіе современности. Именно при помощи этого орудія мы, старообрядцы, не только отвоюемъ себѣ свободу, но сдѣлаемся даже источникомъ и корнемъ свободы. Нужно добиться того, чтобы на мѣстѣ попечителя симферопольскаго учебнаго округа сидѣлъ не темный мракобѣсъ, а просвѣщенный толерантный старообрядецъ. Тогда не было бы мѣста этому ненавистному и дикому предписанію теперешняго симферопольскаго попечителя. Какими бы неожиданностями ни била насъ, старообряд-

цевъ, текущая жизнь, мы должны смѣло и увѣренно итти впередъ. Я вѣрю, что на этомъ пути мы сметемъ своихъ враговъ и займемъ въ государствѣ принадлежащее намъ по историческому праву мѣсто.

— Мнѣ немного странно слушать ваши убѣжденныя рѣчи о грядущей побѣдѣ старообрядчества,—робко заговорилъ старообрядецъ-юристъ, обращаясь къ писателю-феодосѣевцу.— Я не разочарую ли васъ, если напомню вамъ, что безпоповцы учатъ о царствованіи въ мірѣ послѣдняго антихриста. Какъ же согласовать съ этимъ весьма пессимистическимъ ученіемъ ваши оптимистическія надежды на торжество старообрядчества. Или вы самого антихриста «покорите себѣ подпози» или сами растворитесь въ его власти и силѣ. Первое для людей недостижимо: по Писанію, антихриста низложитъ только Самъ Господь Своимъ вторымъ пришествіемъ, которое будетъ славнымъ и побѣднымъ, а сдѣлаться самимъ частью антихриста,—эта перспектива для насъ не заманчива. Пусть она будетъ удѣломъ кого-либо другого, но не старообрядцевъ Безпоповцы не могутъ жить надеждой на свѣтлое будущее, если не оставятъ своего мрачнаго ученія о повсемѣстномъ господствѣ послѣдняго антихриста.

Выдвинутый юристомъ вопросъ о царствованіи послѣдняго антихриста озадачилъ г. писателя своею неожиданностью. Но, подумавъ немного, онъ опять горячо и порывисто заговорилъ.

— Да, мы должны преодолѣть антихриста и, несомнѣнно, преодолѣемъ, но не въ мірѣ и не въ государствѣ, тутъ мы должны бороться съ его кознями и силою, олицетворяемой его предотечами. Послѣдняго антихриста мы растопчемъ и слѣда отъ него не оставимъ въ нашей средѣ. Изгонимъ его изъ нашего вѣрованія, какъ старую собаку, потерявшую и зубы и голосъ. Кому страшенъ такой антихристъ. Съ этого изгнанія начнется и религіозное объединеніе всего старообрядчества. Интеллигентные безпоповцы совсѣмъ раздѣлались

съ послѣднимъ антихристомъ, да и старики перестали вѣрить въ его силу. Что же это въ самомъ дѣлѣ за антихристъ, да еще послѣдній, т.-е. самый чудовищный, невыразимо жестокій, когда онъ боится даже нашихъ учителей, совсѣмъ маленькихъ людей. Такой антихристъ хорошаго плевка не заслуживаетъ Разумѣется, съ вопросомъ объ антихристѣ связаны всѣ основы нашего согласія, и разъ онъ отпадаетъ, то съ нимъ рушатся и всѣ основы безпоповства. Но это не должно страшить насъ. Въ этомъ собственно и есть побѣда надъ антихристомъ. Самого его вытолкаемъ и всѣ основы его выбросимъ Пусть знаетъ, что мы въ немъ нисколько не нуждаемся.

— Браво, браво! — зааплодировалъ г. директоръ — Съ этого именно и нужно бы начать объединеніе старообрядчества. Въ сущности, намъ, старообрядцамъ—поповцамъ и безпоповцамъ,—не изъ-за чего раздѣляться. Между нами и вами лежитъ не пропасть глубокая, которую невозможно перейти, и засыпать которую потребовались бы цѣлыя столѣтія, а антихристъ, котораго легко столкнуть, было бы на это желаніе безпоповцевъ. Собственно, не антихристъ насъ раздѣляетъ, а только призракъ его, который уже разсѣивается въ глазахъ современнаго безпоповства. А разсѣется онъ окончательно, и безпоповцамъ станетъ ясно, что они совсѣмъ напрасно раздѣляются съ своими братьями-старообрядцами поповцами. Испареніе антихриста поставитъ ихъ предъ неумолимымъ требованіемъ священства и таинствъ, предъ необходимостью имѣть полное церковное устройство. Этотъ путь и приведетъ ихъ съ повелительной неизбѣжностью къ объединенію съ старообрядческой іерархіей.

— Я не отвертываюсь отъ этого объединенія,—заговорилъ снова писатель-ведосѣевецъ. — Напротивъ, я считаю наше внутреннее духовное объединеніе могучимъ средствомъ къ достиженію полнаго торжества старообрядчества.

Все время, какъ разговаривали старообрядцы, къ ихъ

непринужденной бесѣдѣ прислушивалась и остальная публика, находившаяся въ пароходномъ салонѣ Особенно внимательно слѣдилъ за разговоромъ одинъ высокій худощавый брюнетъ съ курчавыми волосами на головѣ. По его нервному, напряженному лицу, часто вспыхивавшему румянцемъ, можно было замѣтить, что онъ порывается «пристать» къ бесѣдѣ старообрядцевъ и внести въ него свое слово, какъ онъ думалъ, нужное, жизненное. Онъ дѣйствительно ловилъ моментъ, чтобы поудобнѣе ввязаться въ разговоръ Моментъ этотъ онъ уловилъ и, воспользовавшись имъ, тотчасъ же заговорилъ о несовмѣстимости старообрядчества съ современностью, съ ея жизнью, культурой, прогрессомъ, эволюціей и т. п. Завязалась новая бесѣда, въ которой приняли участіе. кромѣ извѣстныхъ намъ уже старообрядцевъ, и новыя лица. Высокій брюнетъ оказался такъ-называемымъ «богоискателемъ», жаждущимъ религіознаго обновленія. Онъ не отрицаетъ Церковь и ея таинства, но требуетъ отъ нея постояннаго развитія и приспособляемости къ текущему времени и его запросамъ. Изъ остальныхъ собесѣдниковъ выдѣлился одинъ сектантъ, упорно и нерѣдко съ насмѣшками нападавшій на старообрядчество за его церковные обряды и обычаи и вообще за «внѣшность». Другой—никоніанинъ, защищавшій господствующую церковь и ея порядки, вѣрнѣе бы сказать—безпорядки. Втягивались въ разговоръ и другія лица, но ихъ вопросы, замѣчанія, вставки были несущественны. Ихъ мы опустимъ, безъ всякаго ущерба для описываемой нами бесѣды. Рѣчи же богоискателя, сектанта, никоніанина и старообрядцевъ изложимъ по возможности полно.

* * *

Брюнетъ «богоискатель» говорилъ нервно и быстро, какъ будто боясь, что его остановятъ, не дослушаютъ и поэтому не поймутъ, что онъ хотѣлъ сказать.

— Вы, господа,—обратился онъ къ разговаривавшимъ старообрядцамъ,—вслухъ мечтаете о будущемъ старообрядчества, о грядущемъ его торжествѣ. Но подготовили ли вы это торжество Не случится ли съ вами такая печальная исторія, страшный урокъ которой намъ данъ въ русско-японской войнѣ Безъ нужной подготовки, безъ современныхъ военныхъ знаній нашъ великій колоссъ рухнулъ предъ ничтожными, какъ мы были увѣрены, макаками. Ничтожные оказались однако великими, ибо они шли въ уровень современности, а кое въ чемъ и обогнали ее. Они были вооружены самыми послѣдними изобрѣтеніями и открытіями военной науки. Они побѣдили насъ, если позволительно такое опредѣленіе, военной современностью. Но есть ли у старообрядцевъ это средство побѣды? Я говорю, конечно, не о военномъ дѣлѣ, а о религіозномъ и церковномъ. Религія не можетъ быть стоячимъ болотомъ, въ которомъ нѣтъ движенія и, слѣдовательно, нѣтъ жизни. Не можетъ быть и Церковь какою-то старой крѣпостью, въ которой вмѣсто новѣйшихъ способовъ защиты еще въ употребленіи древніе пищали, латы, тесаки и т. п. орудія. Эти вещи должны быть музейной принадлежностью, а не современными средствами защиты отъ нападенія враговъ. Церковь же не музей древнихъ вещей, а сама жизнь со всѣмъ ея сложнымъ разнообразіемъ. Въ Церкви поэтому всегда долженъ быть прогрессъ, постоянное ни на минуту непрерывающееся обновленіе и оживленіе. Церковь есть богочеловѣческій организмъ, и въ немъ долженъ продолжаться богочеловѣческій процессъ, т.-е. въ Церкви всегда могутъ быть и должны быть новыя Божественныя откровенія, могутъ быть раскрыты новыя истины, формулированы новые догматы. Но такова ли старообрядческая Церковь. Признаютъ ли ее старообрядцы богочеловѣческимъ организмомъ? Нѣтъ и нѣтъ. Они смотрятъ на Церковь не какъ на живое учрежденіе, постоянно развивающееся, совершенствующееся, а какъ на неприкосновенную храмину, дошедшую

до насъ изъ глубокой древности и цѣнную не своей жизнью, таковой совсѣмъ нѣтъ въ этой храминѣ, а своей археологіей. Какъ археологическая рѣдкость, она имѣетъ нѣкоторую цѣнность, но для жизни она совсѣмъ не нужна и даже вредна. Ни настоящаго, ни тѣмъ болѣе будущаго не можетъ быть у этой храмины, у ней есть только одно прошедшее Пройдутъ вѣка, и это прошедшее изгладится изъ памяти потомства, никакого и слѣда не останется отъ этой храмины забытыхъ временъ. О какомъ торжествѣ старообрядчества вы говорите, когда оно по своей сущности есть археологическая рѣдкость, ни болѣе Нужно сдать его въ музей—вотъ и весь конецъ его.

Неожиданное нападеніе на старообрядчество современнаго богоискателя и именно съ такой стороны, съ какой никто не ждалъ его, сильно смутило интеллигентныхъ собесѣдниковъ старообрядцевъ. На нихъ, какъ людей культурныхъ, живущихъ интенсивной жизнью современности, жаждущихъ прогресса во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни, рѣчь богоискателя произвела просто ошеломляющее впечатлѣніе. Въ ней, кромѣ того, и трудно было разобраться сразу. Она состояла изъ сравненій и подобій, но въ ней не было опредѣленно выраженной мысли. Что старообрядчество—древность весьма почтенная и весьма глубокая,—это и безъ объясненій богоискателя безспорно. Но почему оно отжило свой вѣкъ, что собственно въ немъ безжизненное, ненужное, давно отмершее,—этого не было указано высокимъ брюнетомъ

Старообрядецъ-ѳедосѣевецъ, какъ можно было судить по его горячимъ рѣчамъ о старообрядчествѣ, человѣкъ съ повышеннымъ темпераментомъ, способный мгновенно загораться, на этотъ разъ совсѣмъ застылъ, точно вынули изъ него душу. Остальные старообрядцы недоумѣвающе смотрѣли на него. Они чувствовали какую-то неловкость. Зато сектантъ ликовалъ Онъ безапелляціонно и торжествующе рѣшилъ.

— Старообрядчество скоро совсѣмъ исчезнетъ съ лица земли.

Нужно было однако возражать богоискателю. Первымъ прервалъ молчаніе старообрядецъ-юристъ. Человѣкъ вдумчивый, спокойный и осторожный, онъ и началъ осторожно и съ «подходцемъ», словно нащупывая въ опасной темнотѣ дорогу.

— Скажите, пожалуйста,—задалъ онъ вопросъ богоискателю,—что древнѣе: старообрядчество или человѣчество?

— Къ чему этотъ вопросъ?

— Да вотъ къ чему: Вы говорите, что разъ старообрядчество—древность, то оно значитъ безжизненно, оно только въ прошломъ жило, теперь же оно—музейная вещь, не болѣе. Но вѣдь и человѣчество—древность, да еще болѣе глубокая, чѣмъ старообрядчество. Вамъ необходимо сдѣлать выводъ, что и оно замерло, стало просто археологической цѣнностью, непригодной для жизни. И вы сами—только маленькая вещичка въ человѣческомъ музеѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—оживленно подхватилъ писатель-вѣдосѣвецъ,—этотъ вопросъ о древности человѣческаго рода можетъ послужить отпоромъ противъ нападокъ на старообрядчество, что оно будто бы—только археологическая рѣдкость. Я указалъ бы еще на христіанство, оно—тоже древность и очень почтенная, ему скоро будетъ 2000 лѣтъ, что же—и оно поэтому стало только музейной вещью. Сдадимъ мы и человѣчество, и христіанство въ складъ древнихъ вещей, сдадимъ туда всю нашу исторію, все наше прошлое, все, все,—горячился г. писатель,—даже вчерашній день, потому что его не оживишь и не вернешь, онъ для насъ, живущихъ сегодня, уже «древность», безслѣдно скрывшаяся въ океанѣ минувшаго времени. А завтра будетъ такою же древностью сегодняшній день, и т. д. Можно легко сдѣлать выводъ, что и все наше безконечное будущее есть

не что иное какъ музейная вещь, которую въ свое время неизбѣжно сдадутъ въ амбаръ прошлаго и забудутъ, какъ непригодную ветошь. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, наша жизнь, въ чемъ она выражается. По-вашему, — обратился г. писатель къ богоискателю,—ея нѣтъ. Есть только огромный музей съ разными древностями и больше ничего. Или, въ лучшемъ пониманіи жизни, это «Балаганчикъ» Александра Блока.

— Вы, господа,—началъ опять богоискатель, нѣсколько смущенный,—не поняли меня. Конечно, не все древнее есть только музейная принадлежность, и въ немъ, въ этомъ древнемъ, есть много такого, что всегда жизненно и потребно человѣческому духу во всѣ вѣка. И въ старообрядчествѣ есть не мало такихъ сторонъ, которыя никогда не замрутъ, напримѣръ, его демократичность и соборность. Но въ общемъ, оно—какой-то застой, оно отрицаетъ движеніе впередъ, ему бы стоять только на одномъ мѣстѣ. Въ этомъ его смерть. Замерло бы и человѣчество, если бы оно не эволюціонировало. Я не могу себѣ представить, чтобы все человѣчество пребывало неизмѣнно въ томъ состояніи, въ какомъ оно было, ну хотя бы въ каменномъ вѣкѣ. Это было бы не человѣчество, а просто какое-то животное безъ духа, безъ запросовъ, безъ стремленія къ лучшему, совершенному. Эволюціонируетъ и христіанство.

Богоискатель на минуту остановился, повидимому, стараясь припомнить, въ чемъ же собственно видоизмѣнилось христіанство. Минутной остановкой его воспользовался вспыльчивый писатель.

— Эволюція, эволюція,—воскликнулъ онъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ горькаго упрека.—На ней, кажется, весь міръ помѣшался, всѣ на нее указываютъ, всѣ на ней основываются, и какъ будто никто не хочетъ посмотрѣть на нашу жизнь, на современное состояніе человѣчества и христіан-

ства. Не развиваемся мы, не совершенствуемся въ самыхъ существенныхъ основахъ нашего духа, а падаемъ, сокрушаемся, дѣлаемся все хуже и хуже. Я понимаю эволюцію, какъ постепенный переходъ отъ худшаго къ лучшему, отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному. Но вѣдь этого-то и нѣтъ Наши предки, ну пусть каменнаго вѣка, были незлобивѣе, честнѣе, счастливѣе насъ. Едва ли тамъ кто-либо кончалъ жизнь самоубійствомъ, едва ли тамъ были и массовыя убійства. Жили люди тогда просто. Но, право, иной разъ позавидуешь имъ. Потомъ послѣдующія поколѣнія развили жизнь, вѣрнѣе сказать—усложнили ее до чрезвычайныхъ предѣловъ, но отъ этого она не стала совершеннѣе, т.-е. счастливѣе, богоподобнѣе. Напротивъ—она сдѣлалась какой-то офиціальной, облеченной въ великолѣпныя формы, но пустой и горькой, доводящей людей до ужасной тоски до отчаянія. Нѣтъ, это не эволюція, а крушеніе, паденіе. Но не будемъ говорить о человѣчествѣ, это слишкомъ большая тема. Мы начали говорить о старообрядчествѣ, и будемъ только о немъ говорить. Старообрядчество, какъ Церковь, какъ Божественное учрежденіе, не отрицаетъ ни развитія религіозной жизни, ни совершенствованія человѣческаго духа. Но это развитіе и совершенствованіе, т.-е. эволюцію, оно понимаетъ по-евангельски: «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный»,—сказалъ Христосъ (Мѳ. V, 48). Вотъ предѣлъ совершенствованія, онъ безконеченъ. Вся наша жизнь и должна быть устремлена къ этому совершенствованію. Наши религіозныя переживанія, наши богослуженія, молитвы, посты, обряды—все это есть средства къ достиженію указанной намъ Господомъ цѣли. Я рѣшительно не вижу, что въ старообрядчествѣ служитъ тормазомъ этой эволюціи.

— У васъ, старообрядцевъ, слишкомъ много обрядовъ,— замѣтилъ сектантъ, — за ними совсѣмъ не видно вашей религіозной жизни.

— Да, это большой недостатокъ старообрядчества,—вставилъ свое слово и никонианинъ.—Вы держитесь такъ крѣпко за обрядъ, отстаиваете старые порядки съ такимъ рвеніемъ, что поневолѣ подумаешь, что вся сущность старообрядчества только въ обрядовѣріи.

— Да ужъ лучше старые порядки отстаивать, въ нихъ есть извѣстный смыслъ, чѣмъ жить новыми безпорядками, въ которыхъ кромѣ стѣсненій и насилій ничего хорошаго. Ну что хорошаго въ вашемъ синодальномъ строѣ, противномъ церковному духу, или въ вашихъ новыхъ обрядахъ, которые вы отправляете съ такой небрежностью, что лучше бы вы совсѣмъ не выполняли ихъ. Меньше было бы грѣха.

— Господа,—обратился ко всѣмъ собесѣдникамъ г. директоръ реальнаго училища, внимательно слѣдившій за развитіемъ новаго спора о старообрядчествѣ, такъ неожиданно начатаго высокимъ брюнетомъ.—Господа, вы неправильно ведете споръ перескакиваете съ одной темы на другую. Такъ вы не выясните ни одного вопроса Вопросы объ эволюціи, о человѣчествѣ, христіанствѣ, объ обрядахъ вы разберете послѣ. Сначала выясните· можетъ ли старообрядчество ужиться съ современной культурой? Кажется, этотъ вопросъ вы ставите,—обратился директоръ къ богоискателю?

— Да, именно этотъ. Я утверждаю, что старообрядчество не совмѣстимо съ современной культурной жизнью. Это—двѣ противоположности, двѣ крайности, которыя никогда не могутъ сойтись. Необходимо или старообрядчеству перестать быть самимъ собой, пойти по пути развитія, тогда оно сольется съ современнымъ культурнымъ теченіемъ, или культурному обществу отречься отъ всѣхъ пріобрѣтеній культуры и тогда оно станетъ своего рода старообрядчествомъ. Другихъ путей сожительства культурнаго общества и старообрядчества я не вижу. Одно другое исключаетъ

— Позвольте васъ спросить,—обратился къ богоискателю

старообрядецъ-юристъ съ присущей ему мягкостью и осторожностью,—что собственно отрицаетъ старообрядчество въ современной культурѣ? Извините за мою откровенность,—юристъ смутился и густо покраснѣлъ,—я скажу о себѣ. Окончилъ я петербургскій университетъ, получилъ, стало быть, высшее образованіе, потомъ еще за границей пополнилъ его. Меня вы не сочтете, осмѣлюсь думать,—юристъ еще больше смутился,—за человѣка некультурнаго, отсталаго, дикаго. Однако я старообрядецъ, сознательный, искренній. Я горячо вѣрю въ святость и спасительность старообрядческой Церкви. Совершенно мирно уживается во мнѣ и эта вѣра и современная культура.

— Вы—исключеніе,—перебилъ юриста никоніанинъ.

— Я хотѣлъ бы,—продолжалъ юристъ, немного повысивъ голосъ,—чтобы всѣ старообрядцы были людьми высокообразованными, глубокопросвѣщенными, но въ то же время—религіозными и церковно-культурными, т.-е. истинными старообрядцами. Какъ я понимаю старообрядчество,—оно есть самая высшая церковная культура. Мнѣ думается, что только нерелигіозные и некультурные люди не могутъ быть старообрядцами.

— Вотъ какъ, — недоумѣвающе воскликнулъ высокій брюнетъ.

Сектантъ же даже руками развелъ.

— Это открытіе доселѣ невѣдомой Америки,—ехидно проговорилъ онъ.

— Простите, господа,—извинился юристъ, догадавшись, что онъ всѣхъ не-старообрядцевъ признавалъ людьми нерелигіозными и некультурными,—я никого не хотѣлъ обидѣть своими, можетъ-быть, не совсѣмъ вѣрными мыслями. Мнѣ самому всегда казались очень оскорбительными постоянныя заявленія, что старообрядчество несовмѣстимо съ культурой. Бывало скажешь въ интеллигентномъ обществѣ, что ты ста-

рообрядецъ, и на тебя устремятся удивленные глаза культурныхъ людей, точно они разсматриваютъ какое-то заморское чудо. Человѣкъ во фракѣ съ дипломомъ высшаго учебнаго заведенія, и вдругъ—старообрядецъ. Немыслимое сочетаніе. Я не разъ спрашивалъ своихъ коллегъ и друзей: да скажите вы ради Бога, что изъ современной культуры отвергаетъ старообрядчество? И мнѣ такъ ничего не указали. Я и теперь спрашиваю все о томъ же.

— Это праздный вопросъ,—неспокойно отвѣтилъ брюнетъ.—Старообрядчество отвергаетъ всю культуру. Какъ смерть, оно есть отрицаніе всей жизни во всей ея совокупности.

— Ну, напримѣръ, отвергаетъ ли старообрядчество желѣзнодорожное и пароходное сообщеніе? Отвергаетъ ли оно телеграфъ, телефонъ?

Богоискатель не зналъ, что отвѣтить на эти вопросы. Онъ не могъ указать ни на одно рѣшеніе старообрядческаго собора или съѣзда, которымъ отрицалась бы какая-либо культура. Въ то же время онъ хорошо зналъ, что старообрядцы пользуются всѣми благами современной культуры: среди нихъ много фабрикантовъ, промышленниковъ, сельскихъ хозяевъ, немало среди старообрядцевъ и меценатовъ—покровителей науки и искусства. Указывать же на то, что старообрядчество осуждаетъ современный развратъ, безумное увлеченіе модой, борется съ отравленіемъ человѣческаго организма табакомъ, алкоголемъ, кокаиномъ, опіумомъ и т. п. ядами,—это значитъ лишь подтверждать, что старообрядчество стоитъ за высшую культуру духа и за здоровую жизнь, отвѣчающую безконечному достоинству богоподобной личности человѣка. Вотъ почему богоискатель молчалъ, не находя, что сказать на вопросъ, такъ категорически поставленный г. юристомъ. Его выручилъ г. директоръ.

— По моему мнѣнію, — началъ онъ, — вопросъ о старо-

обрядчествѣ и культурѣ ставится вами невѣрно. Нельзя старообрядчество противопоставлять культурѣ, какъ, напримѣръ, нельзя водное сообщеніе противопоставлять желѣзнодорожному. Одно другого не отрицаетъ. Нельзя двѣ совершенно различныя области ни смѣшивать, ни противопоставлять. Если бы я поставилъ вопросъ: сколько аршинъ въ красномъ цвѣтѣ и сколько вѣсу въ зеленомъ, то этотъ вопросъ сочли бы нелѣпостью. Поставьте, напримѣръ, такіе вопросы: отрицаетъ ли Евангеліе часовой механизмъ? Какую допускаетъ христіанская религія бухгалтерію—простую или двойную итальянскую? За какую финансовую систему стоитъ Церковь? Признаетъ ли она золотую валюту, политическую экономію, статистику и т. п.? Какую систему сельскаго хозяйства она одобряетъ? Всѣ эти вопросы—курьезное недоразумѣніе. Они не туда адресованы. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы на какомъ-нибудь церковномъ соборѣ было вынесено опредѣленіе о современной техникѣ или современныхъ открытіяхъ. Не можемъ мы представить, чтобы и на какомъ-нибудь акціонерномъ или банкирскомъ собраніи послѣдовало рѣшеніе, что такому-то святому нужно пѣть службу рядовую, а такому-то съ полелеосомъ. Старообрядчество и культура въ такомъ отношеніи стоятъ между собою, какъ церковный соборъ и акціонерное собраніе, или какъ религія и новооткрытый материкъ. Ни отрицать, ни признавать другъ друга они не могутъ. Каждое само по себѣ. Старообрядцемъ можетъ быть и культурный человѣкъ и некультурный. Но оба они должны быть непремѣнно вѣрующими людьми. Вѣрованіе—вотъ ихъ показатель религіознаго состоянія; культурный же лоскъ не опредѣляетъ ихъ религіозной принадлежности. Въ каждомъ вѣроисповѣданіи, какъ и въ каждомъ государствѣ, есть люди культурные и некультурные, есть совсѣмъ безграмотные и даже дикіе. Нельзя же изъ-за послѣднихъ отвергать самое государство или вѣро-

исповѣданіе. Мнѣ хотѣлось бы знать,—обратился директоръ къ богоискателю,—что вы находите въ старообрядческой Церкви мертвымъ, отжившимъ.

**
*

— Старообрядчество это—религія застоя, и поэтому уже одному оно мертво. Вы не допускаете движенія впередъ, не признаете за Церковью право и силу устанавливать новые догматы, имѣть новое откровеніе. Ваша Церковь не богочеловѣческій организмъ, а трупъ, застывшій, не могущій даже шевельнуться.

— Нѣтъ, мы признаемъ, что Церковь есть живое Тѣло Христа, а не трупъ. Мы вѣруемъ, что эта Церковь растетъ въ «мужа совершенна», какъ говоритъ апостолъ. Но мы не допускаемъ въ ней такой эволюціи, которая превращала бы Тѣло-—Церковь въ какое-либо безобразіе. Въ своемъ человѣческомъ тѣлѣ мы не хотимъ допустить, чтобы въ немъ выросли сверхъ мѣры уши или носъ Чуть-чуть они переросли, человѣкъ теряетъ уже присущую ему красоту, становится безобразнымъ. Человѣческій организмъ постоянно обновляется: старыя клѣточки отмираютъ, ихъ мѣсто занимаютъ новыя, но такія же, какъ были и первыя. И въ Церкви можетъ и должно быть такое же обновленіе и оживленіе.

— Значитъ вы допускаете, что въ Церкви идетъ богочеловѣческій процессъ?

— Конечно.

— А если такъ,—съ радостью подхватилъ этотъ отвѣтъ высокій брюнетъ,—то вы должны допустить въ Церкви новыя откровенія и развитіе догматовъ.

Не успѣлъ г. директоръ отвѣтить богоискателю, какъ въ разговоръ энергично вступилъ ведосѣвецъ-писатель. Онъ забросалъ богоискателя вопросами.

— Вы все говорите: «богочеловѣческій организмъ», «богочеловѣческій процессъ», «новые догматы», «новыя откровенія». Все это—красивыя и увлекающія слова. На нихъ спотыкается и разбивается современная молодежь, жаждущая какого-то обновленія въ религіозной области. Но что значатъ эти слова, какого жаждутъ богоискатели обновленія и что они подъ нимъ понимаютъ—все это не выяснено. Позвольте поставить вамъ нѣсколько вопросовъ, можетъ-быть, они выяснятъ сущность дѣла.

— Вселенская Церковь формулировала догматъ Троичности; но можетъ ли,—поставилъ писатель вопросъ богоискателю,—та же Церковь теперь установить новый догматъ, которымъ провозглашалось бы, что въ Богѣ не три Лица, а четыре или пять?

— Я не понимаю—зачѣмъ этотъ вопросъ,—уклонился отъ отвѣта на него богоискатель.

— Какъ зачѣмъ: вѣдь вы же горячо и настойчиво утверждаете, что Церковь—богочеловѣческій организмъ, она всегда жизненна и въ правѣ устанавливать новые догматы. Я поэтому и спрашиваю: можетъ ли она провозгласить догматъ четырехъ или пяти Лицъ въ Богѣ?

Немного подумавъ, богоискатель отвѣтилъ:

— Догматы утверждаютъ только то, что есть въ дѣйствительности. Въ Богѣ только три Лица, а не четыре и не пять. Если бы Церковь провозгласила вѣрованіе въ четыре или пять Лицъ Бога, то это было бы не догматомъ, а ложью. Но Церковь не должна и не можетъ утверждать ложь.

— Значитъ, не смотря на свою жизненность и непрерывное творчество, Церковь все-таки связана дѣйствительностью. Она въ правѣ утверждать только то, что есть. Но позвольте замѣтить, что догматическое ея творчество есть область вѣрованій, а не научныхъ изслѣдованій. Что въ Богѣ три Лица, объ этомъ вы знаете не изъ личнаго опыта и не изъ науч-

ныхъ данныхъ, а изъ ученія Церкви, оспариваемаго однако еретиками. Вы лично не въ состояніи провѣрить,—правъ ли этотъ догматъ и вѣрите лишь авторитету Церкви. Но вдругъ Церковь, по какому-нибудь откровенію, признаетъ, что Богъ не въ трехъ лицахъ, а въ пяти или въ одномъ. Приметъ ли ваша религіозная совѣсть это признаніе. Вы все подчеркивали, что Церковь—богочеловѣческій организмъ. Подчинитесь ли вы рѣшенію этого организма, когда онъ отвергнетъ троичность Божества и провозгласитъ только одно лицо въ Богѣ или пять лицъ?

— Ни того, ни другого Церковь не можетъ провозгласить,—отвѣтилъ высокій брюнетъ-богоискатель.—Это противорѣчило бы священному Писанію, въ которомъ ясно говорится только о трехъ Лицахъ въ Богѣ: Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ. Церковь не въ правѣ отвергать эту божественную истину, иначе она перестанетъ быть Церковью.

— Вотъ какъ. Да вы—настоящій старообрядецъ, съ оттѣнкомъ торжества провозгласилъ вѣдосѣвецъ-писатель.—И мы, старообрядцы, также признаемъ, что Церковь, не взирая на всѣ свои права и божественную власть, не должна и не можетъ ставить себя въ противорѣчіе съ божественнымъ Писаніемъ. А такъ какъ всѣ догматы ея основаны на этомъ Писаніи, то она не можетъ ни одного изъ нихъ отвергнуть, не можетъ она установить и новыхъ догматовъ, которые противорѣчили бы прежнимъ ея догматическимъ опредѣленіямъ. Иначе она признаетъ, что прежніе ея догматы были—ложь, и что, слѣдовательно, она въ минувшія вѣка была не хранительницею истины, а проповѣдницею лжи, да еще въ догматической области. Скажите пожалуйста,—съ новыми вопросами обратился писатель къ богоискателю,—можетъ ли теперь Церковь провозгласить, что во Христѣ не два естества, какъ она учила до сего времени, а одно, и не двѣ воли, а одна, или три, или что два естества во Христѣ слитны или раздѣлены?

Богоискатель понялъ, что всѣ эти вопросы ставятся съ намѣренной цѣлью—опровергнуть его утвержденіе, что Церковь можетъ устанавливать новые догматы, поэтому онъ неохотно отвѣчалъ на нихъ. Онъ уже призналъ, что Церковь въ своей жизни и творчествѣ обязана согласоваться съ священнымъ Писаніемъ Новые вопросы писателя о естествахъ и воляхъ Христа вынуждали его признать, что Церковь должна быть въ согласіи и съ прежними своими догматическими опредѣленіями. Въ священномъ Писаніи нѣтъ опредѣленій о Христовыхъ естествахъ и воляхъ и объ ихъ взаимоотношеніяхъ. Христологическіе догматы формулированы только на вселенскихъ соборахъ. Такимъ образомъ, кромѣ священнаго Писанія, и вселенскіе соборы являются мѣриломъ послѣдующаго творчества Церкви.

— Конечно, Церковь не можетъ отвергать или извращать истину,—отвѣтилъ богоискатель.—Всѣ ея прежніе догматы истинны и поэтому вѣчны. Христосъ неизмѣненъ, неизмѣнны и опредѣленія Церкви о Немъ

— Я позволю себѣ замѣтить,—тонко вставилъ юристъ,—что эти догматы о Христѣ—глубочайшая древность. Однако они до сихъ поръ жизненны. Вы признали ихъ даже вѣчными. Въ музей сдавать ихъ вы не собираетесь Не сдавайте же туда и старообрядчество, оно въ сущности своей—есть истина, и какъ таковое—вѣчно жизненно.

— Позвольте, позвольте, господа,—загорячился ѳедосѣевецъ,—вы поспѣшно дѣлаете выводъ. Мнѣ хотѣлось бы поставить моему собесѣднику еще нѣсколько вопросовъ, чтобы выяснить его точку зрѣнія на право Церкви устанавливать новые догматы. Можетъ-быть, мы сойдемся во взглядахъ. Часто раздѣляютъ людей не различные взгляды и вѣрованія, а просто непониманіе другъ друга. Стоитъ только понять одинъ другого, какъ устанавливается единство вѣрованія и взглядовъ. Вотъ, скажите пожалуйста, опять съ вопросомъ обра-

тился г. Недосѣвецъ къ высокому брюнету,—какъ вы смотрите на новый догматъ римско-католической церкви о непогрѣшимости (безошибочности) римскаго папы?

— Я не признаю его истиннымъ. Крайне нелѣпо признавать одного человѣка, хотя и облеченнаго высокимъ саномъ, неспособнымъ ошибаться. Это—вздоръ

— Но вѣдь это—новый догматъ римско-католической церкви. Она признаетъ себя церковью вселенской и истинной, которой, какъ богочеловѣческому организму, присущи всѣ права и власть этого организма. Вы сами же говорите, что Церковь можетъ устанавливать новые догматы. Вотъ она и установила догматъ непогрѣшимости папы, а вы обязаны его признать.

— Это не догматъ, а нелѣпость, противная здравому смыслу и священному Писанію Не только кому-либо изъ апостоловъ, но и всѣмъ имъ въ совокупности Христосъ не далъ дара непогрѣшимости или безошибочности. Если признать папу непогрѣшимымъ, тогда нужно ему подчиняться какъ Богу—безусловно и безпрекословно. Но въ такомъ случаѣ намъ нужно отрѣшиться и отъ религіозной совѣсти, и отъ религіознаго вѣдѣнія. Взирай на одного папу—въ этомъ одно спасеніе. Съ такимъ догматомъ не можетъ примириться совѣсть.

— Какіе же новые догматы можетъ Церковь, по вашему, устанавливать?

— Только истинные.

— То-есть?

— Такіе, которые не противорѣчатъ здравому смыслу и священному Писанію.

— Ну, напримѣръ, какой бы новый догматъ должна теперь провозгласить Церковь?

Богоискатель задумался, очевидно и ему самому не было извѣстно, въ какихъ новыхъ церковныхъ догматахъ нуждается современное христіанство. Легко бросать красивыми фразами о жизненности Церкви, объ ея творчествѣ, объ ея правѣ,

какъ богочеловѣческаго организма—создавать новые догматы, имѣя новое откровеніе; но когда поставленъ вопросъ прямо, что же собственно должна провозгласить Церковь, то не сразу нашелся что сказать и самъ брюнетъ, стоящій за непрестанное обновленіе Церкви Подумавъ, онъ, наконецъ, отвѣтилъ съ нѣкоторой раздраженностью.

— Мало ли современная жизнь выдвинула новыхъ сложныхъ вопросовъ, которые необходимо разрѣшить Церкви Не разрѣшенъ вопросъ, напримѣръ, о свободѣ воли. Необходимо Церкви высказаться о современной культурѣ. Много накопилось вопросовъ соціальныхъ, экономическихъ, политическихъ. Какъ относится Церковь къ государству, и т. д., и т. д.

— И только-то,—искренно удивился г. юристъ, внимательно слѣдившій какъ за вопросами писателя, такъ и за отвѣтами богоискателя —Вопросы о свободѣ воли пусть рѣшаетъ философія. Церковь—спасительница отъ грѣха и преступленій, а не ученый институтъ. Не ея дѣло заниматься и политическими и экономическими вопросами. Что же касается вопросовъ соціальныхъ, то Церковь еще съ апостольскихъ временъ высказалась о нихъ и новыхъ рѣшеній она не можетъ дать. Мы такъ и не знаемъ, въ какихъ же новыхъ догматахъ нуждается Церковь?

Богоискатель дѣйствительно не могъ придумать ни одного новаго догмата, который должна бы провозгласить Церковь. Онъ началъ говорить, что Церковь всегда должна творить, а не довольствоваться только прежнимъ своимъ творчествомъ. Она не должна отворачиваться отъ современной жизни людей, напротивъ, она должна проникаться этой жизнью, итти въ ея бурномъ потокѣ. Но что значитъ «проникаться» современной жизнью, и какъ собственно и въ чемъ должно выразиться участіе Церкви въ «бурномъ потокѣ жизни»,—этого объяснить богоискатель не могъ.

— Жизнь людей слишкомъ измѣнчива,—заговорилъ ди-

ректоръ реальнаго училища,—измѣнчивы и ихъ понятія и стремленія. Сегодня среди нихъ господствуютъ однѣ идеи, завтра—другія. Неужели Церковь должна постоянно подлаживаться подъ ту или иную жизнь современнаго общества. Неужели она должна мѣнять свои вѣрованія соотвѣтственно требованіямъ моды, какъ мѣняютъ женщины свои наряды. Въ подобномъ положеніи Церковь превратилась бы въ модницу. Да и къ какой жизни должна Церковь примѣняться. Жизнь людей чрезвычайно сложна и разнообразна: есть аристократическая жизнь, есть интеллигентская, мѣщанская, купеческая, военная, мужичья и проч. и проч. Если ко всякой изъ этихъ жизней пришлось бы Церкви примѣняться и отвѣчать вкусамъ и требованіямъ каждой среды, то что же получилось бы изъ нея. Она сдѣлалась бы какимъ-то универсальнымъ магазиномъ, удовлетворяющимъ всякій спросъ.

**
*

— Все же Церковь должна основываться на текущей жизни, а не на исторіи, какъ это дѣлаетъ старообрядчество,—замѣтилъ сектантъ.—Вотъ сектантство поступаетъ разумно: оно съ первыхъ своихъ шаговъ порвало всякую связь съ исторіей и стало требовать для Церкви оправданія жизнью. Старообрядчество ничего не можетъ отвѣтить сектантству, такъ какъ оно не знаетъ, какъ согласовать это оправданіе жизнью съ тѣмъ понятіемъ, что самое жизнь-то нужно еще оправдать покаяніемъ.

— Ну, а сами-то вы понимаете, что говорите,—спросилъ сектанта писатель-вѣдосѣвецъ.—Что это значитъ: «требовать для Церкви оправданія жизнью?» Да развѣ Церковь нуждается въ оправданіи, да еще чьею-то жизнью. Ужъ не сектантскою ли? — вызывающе повысилъ голосъ г. писатель.—Право, досадно слышать эти туманныя и высокопарныя разсужденія: то Церковь—богочеловѣческій организмъ,

и она поэтому въ правѣ дѣлать что угодно, то она должна оправдываться передъ кѣмъ-то какою-то жизнью, а самая жизнь должна быть оправдана чьимъ-то покаяніемъ. Читалъ я эту галиматью въ сектантскихъ сочиненіяхъ и немало подивился, что ее кто-то еще понимаетъ и даже принимаетъ. Вы вотъ что мнѣ скажите,—обратился писатель къ сектанту,—откуда взялось сектантство. Исторіи вы не имѣете, даже считаете ненужнымъ ее имѣть Больше того,—даже гордитесь неимѣніемъ исторіи. Вы—плодъ безъ дерева, вы—вѣтви безъ корня. Откуда же вы? Кто вы такіе?

Прямой и рѣшительный натискъ ведосѣевца на сектанта привелъ послѣдняго въ замѣшательство. Онъ заискивающе поглядывалъ на богоискателя, не выручитъ ли его тотъ изъ труднаго положенія. Но высокій брюнетъ самъ не долюбливалъ сектантство за его самоослѣпленіе и самолюбованіе.

— Сектантство,—сказалъ онъ,—оправдать нечѣмъ, оно безпочвенно, безъисторично.

— Нѣтъ, мы истинные христіане,—отвѣтилъ сектантъ.—Мы вѣруемъ Евангелію, мы согласуемъ съ нимъ свою жизнь.

— Да откуда же вы взяли Евангеліе, если вы не признаете исторіи, если вы, какъ сами заявляете, порвали всякую связь съ прошлымъ. У васъ должно быть собственное евангеліе, Христова вы ни откуда не могли получить. Развѣ съ неба свалилось оно къ вамъ. Вы подумайте: отъ кого вы узнали, что къ вамъ попало Евангеліе Христово? Кто вамъ объ этомъ сказалъ? До насъ, церковниковъ, благовѣстіе Христа дошло чрезъ историческую Церковь. Она завѣрила подлинность Христовыхъ завѣтовъ. А кто насъ увѣрилъ, что существующій Новый Завѣтъ, есть дѣйствительно ученіе Христа. Кто вамъ разсказалъ, что былъ на землѣ Христосъ и что Онъ преподалъ Свое ученіе,—отъ кого вы все это узнали, разъ съ прошлымъ у васъ нѣтъ никакой связи? . . .

Велосѣевецъ все больше и больше горячился, стараясь убѣ-

дитъ сектанта въ томъ, что если сектантство не имѣетъ исторіи, то оно не можетъ быть истиннымъ христіанствомъ, такъ какъ послѣднее исторично. Рѣчь писателя прервалъ г. директоръ.

***

— Мы начали бесѣду о старообрядчествѣ,—сказалъ онъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ,—а перебѣжали къ вопросу о сектантствѣ. Не лучше ли намъ вернуться къ прежней темѣ. Старообрядчество упрекали въ застоѣ, въ мертвенности, въ отсталости. Но въ чемъ же собственно заключаются эти его пороки,—это не выяснено. Я совсѣмъ не вижу въ немъ этихъ пороковъ. Отъ чего оно, напримѣръ, отстаетъ? Отъ установленія новыхъ догматовъ Но намъ не могли указать, въ какихъ же именно новыхъ догматахъ нуждается старообрядческая Церковь. Да и что толку, если она будетъ вырабатывать все новые и новые догматы. Развѣ жизнь Церкви заключается въ этихъ догматическихъ переворотахъ. Церковь установлена Христомъ для спасенія людей, для приведенія всѣхъ ихъ ко Христу. Ея главный долгъ—насаждать въ средѣ народовъ Божью правду, справедливость, милость, любовь. Но отъ этого долга никогда не отказывалось старообрядчество, никогда, ни при какихъ условіяхъ не измѣняло ему. Въ исполненіи этого долга—сила старообрядчества Вся исторія его свидѣтельствуетъ, что именно правдою, милостью и любовью и было старообрядчество жизненнымъ и несокрушимымъ. За модой оно не гналось, догматическіе перевороты ему не нужны. Оно стояло и стоитъ за святую старину.—за завѣты Христа, за правду церковную. Приспособляться къ текущей современности, поддѣлываться подъ вкусы общества—на это дѣйствительно не способно старообрядчество. Но это его достоинство, а не порокъ. Хотите, называйте эту неспособность застоемъ или мертвенностью,—дѣло не въ названіи, а въ томъ, что Церковь истинная, под-

линно Христова, должна стоять выше требованій общества. Она создана на вѣчныя времена, въ ней дѣйствуетъ Христосъ и Духъ Святой, а Они не могутъ и не должны быть въ подчиненіи у современности.

— Такъ-то такъ,— возразилъ богоискатель, — Церковь, какъ богочеловѣческій организмъ, конечно, стоитъ выше всего въ мірѣ. Но если въ ней дѣйствуетъ Духъ Святой, то она имѣетъ такое же право и теперь на творчество, какое имѣла и во времена апостольскія, и въ эпоху вселенскихъ соборовъ И въ наше время она можетъ создавать законы, устанавливать правила, службы, каноны и т. п. Но за старообрядческою Церковью признаете ли вы это право и силу?

— Позвольте мнѣ отвѣтить на этотъ вопросъ,—сказалъ старообрядецъ-юристъ, спокойно и вдумчиво слѣдившій за ходомъ собесѣдованія.—Но мнѣ хотѣлось бы сначала узнать отъ васъ, г. богоискатель, вы-то признаете ли за Церковью это право?

— Конечно, признаю. На этомъ я и настаиваю.

— Прекрасно. Скажите же пожалуйста, имѣетъ ли Церковь право установить шесть дней въ недѣлѣ постными и только одинъ, седьмой, скоромнымъ, т.-е. воспретить всѣмъ своимъ членамъ ѣсть мясо и рыбу въ теченіе шести дней каждой недѣли.

— Нѣтъ, не можетъ.

— Почему же?

— Это обременительно для народа.

— Напротивъ, это будетъ спасительно для него: современная медицина доказываетъ, что даже умѣренное потребленіе мяса и рыбы страшно вредно для человѣческаго организма. Но дѣло, конечно, не въ медицинѣ, а въ правѣ Церкви. Скажите, — въ правѣ ли Церковь воспретить, напримѣръ, бракъ всѣмъ священнослужителямъ, а всѣмъ мірянамъ воспретить второй бракъ?

— Нѣтъ, и этого она не можетъ сдѣлать. Такое воспрещеніе вызоветъ ропотъ и неудовольствіе въ народѣ, такъ какъ оно не будетъ отвѣчать его потребностямъ.

— Въ правѣ ли Церковь,—продолжалъ спрашивать г. юристъ,—увеличить степени родства? Въ правѣ ли она воспретить всѣмъ своимъ членамъ всякія развлеченія, увеселенія, игры? Въ правѣ ли она увеличить продолжительность церковныхъ службъ, строгость епитиміи? Въ правѣ ли Церковь прибавить къ существующимъ семи церковнымъ таинствамъ еще нѣсколько таинствъ и потребовать отъ своихъ членовъ обязательнаго ихъ совершенія, подъ угрозой анаѳемы?

На всѣ эти вопросы г. богоискатель отвѣчалъ отрицательно. По его мнѣнію, Церковь не имѣетъ права налагать лишнее бремя и тяготы на своихъ членовъ Въ то же время онъ заявлялъ, что Церковь въ правѣ и должна сдѣлать всевозможныя послабленія людямъ: разрѣшить имъ не только 4-й и 5-й, но и слѣдующіе браки, до священнослуженія допускать и двубрачныхъ и троебрачныхъ лицъ. Въ правѣ она отмѣнить всѣ посты, всѣ службы церковныя, всѣ епитиміи,—словомъ, все, что ненравится и что въ тягость современному, совсѣмъ ослабѣвшему въ вѣрѣ и добродѣтеляхъ обществу. Церковь по мнѣнію богоискателя, все должна разрѣшить и освятить: всякія развлеченія, игры, увеселенія: театры, цирки, кинематографы и т. п. Она въ правѣ отмѣнить всѣ наказанія, установленныя ею раньше за грѣхи и преступленія, и даже признать, что это не грѣхи и не преступленія, а невинные поступки.

— Послушать васъ,—сказалъ г. директоръ богоискателю,—такъ Церковь, съ одной стороны, совсѣмъ безправное учрежденіе: она даже, по собственному вашему признанію, не въ правѣ увеличить степени родства. Чего же стоитъ теперь ваше опредѣленіе Церкви, какъ богочеловѣческаго организма Организмъ-то этотъ, оказывается, не въ правѣ даже шевельнуться въ ту сторону, которая не соотвѣтствуетъ вашимъ же-

ланіямъ. Съ другой стороны, Церковь, какъ вы ее представляете, есть какая-то людская раба, потворщица всѣмъ прихотямъ и страстямъ людей. Захотѣлось современнымъ пастырямъ имѣть и вторую жену, Церковь должна удовлетворить это желаніе, иначе она въ вашихъ глазахъ перестаетъ быть богочеловѣческимъ организмомъ. Надоѣли и опротивѣли современнымъ безрелигіознымъ людямъ церковные посты, службы, правила,—и Церковь, по вашему требованію, должна все это отмѣнить, въ противномъ случаѣ она превратится въ отжившее учрежденіе, въ какое-то стоячее болото. Захотѣлось вамъ новой разгульной жизни со всевозможнѣйшими переживаніями и ощущеніями, включительно до устраненія родственныхъ перегородокъ,—и Церковь должна благословить такую жизнь, узаконить ее своими постановленіями. Говоря откровенно, мы, старообрядцы, такую церковь не признаемъ не только богочеловѣческимъ организмомъ, но даже просто церковью. Помилуйте, что же это за церковь, если она не сдерживаетъ человѣческія страсти, а благословляетъ ихъ. Что это за церковь, если не она управляетъ людьми, а они ею помыкаютъ, какъ хотятъ, превративъ ее въ какой-то штемпель, который они прикладываютъ ко всѣмъ своимъ желаніямъ, преимущественно грѣшнымъ, похотнымъ. Нѣтъ, это не церковь, это Богъ знаетъ что такое. Церковь истинная, Христова—есть Тѣло Христа, она должна быть не только жизненной, творческой, но и чистой, богоподобной. Всѣ ея установленія, каноны, правила, службы, посты, служатъ къ созиданію въ людяхъ праведной и богоугодной жизни. Это ея назначеніе—дѣлать людей праведными и богоподобными. И измѣнить ему она не можетъ, какой бы натискъ ни дѣлало на нее современное общество или даже государство. Въ противномъ случаѣ она перестаетъ быть Церковью, превращаясь въ служанку или рабу государства или общества.

— Это и случилось съ господствующей въ Россіи церковью,—замѣтилъ писатель-вѣдосѣвецъ.

Замѣчаніе это, нужно сказать, совсѣмъ неумѣстное и лишнее, вызвало смѣшательство въ разговоръ никоніанина.

Разговоръ никоніанина съ старообрядцами мы вынуждены по нѣкоторымъ обстоятельствамъ опустить.

***

По окончаніи разговора съ никоніаниномъ о господствующей церкви собесѣдники снова возвратились къ прежней темѣ, выдвинутой г. богоискателемъ, именно о безжизненности старообрядческой Церкви. Безжизненность эту онъ видитъ въ томъ, что старообрядчество твердо стоитъ на старыхъ основахъ, съ которыхъ оно не можетъ и не желаетъ сдвинуться. Еще Аввакумъ протопопъ провозглашалъ, — припомнилъ слова его г. богоискатель, иронически подчеркивая ихъ: «до тебя положенъ тутъ азъ и не тронь его, пусть лежитъ до вѣка».

— Положимъ, — замѣтилъ юристъ, — Аввакумъ писалъ не обо всякомъ азѣ, а объ имѣющемъ глубокій смыслъ и поставленномъ въ символѣ вѣры. Неприкосновенность текста символа оградилъ третій вселенскій соборъ, протопопъ Аввакумъ пошолъ въ своихъ требованіяхъ не дальше этого собора. Но дѣло не въ требованіяхъ и утвержденіяхъ протопопа Аввакума. У насъ не о нихъ споръ. Право ли старообрядчество въ томъ, что оно держится на старыхъ устояхъ или неправо, — мы даже и этотъ вопросъ не рѣшаемъ. Мы обсуждаемъ совсѣмъ другую тему: замерло ли старообрядчество отъ того, что стоитъ на старыхъ устояхъ или оно по прежнему живо и дѣятельно? Вотъ о чемъ мы бесѣдуемъ. Вы, г. богоискатель, защищаете такое положеніе. Разъ какое-либо общество или учрежденіе отстаиваетъ старину, прежніе устои, то оно уже отъ этого одного обречено на смерть, оно— безнадежно. Я не могу съ этимъ положеніемъ согласиться. По моему, оно, — извините пожалуйста, — безразсудно. Вы

не станете отрицать, что и при Адамѣ было, напр., 2×2=4. Это, такъ сказать, аввакумовскій азъ. Вѣченъ онъ или нѣтъ? Или вы увѣрены, что придетъ время, когда этотъ азъ разрушится и вмѣсто него будетъ 2×2=3 или 5. Но пока это время еще не пришло, — и вы продолжаете утверждать, что 2×2=4. Въ данномъ случаѣ вы крѣпко держитесь за адамовскую старину и не измѣняете ей. Но стали ли вы отъ этого безжизненнымъ, мертвымъ, или эта старина ничуть не обрекаетъ васъ на мертвенность?

— Этотъ примѣръ не можетъ итти въ объясненіе церковной жизненности и творчества, — возразилъ г. богоискатель, — математическіе законы иные, чѣмъ церковные. Тѣ неизмѣнны, постоянны, а эти всегда могутъ быть измѣнены, какъ созданные людьми.

— Аввакумовскій азъ непоколебимо стоитъ въ математикѣ,—улыбаясь сказалъ юристъ.

— Значитъ, вы жизненность Церкви, — перебилъ разговоръ неспокойный писатель, — усматриваете въ томъ, что Церковь одни законы свои отмѣняетъ, а другіе создаетъ и чѣмъ больше и шире она проявляетъ эту законодательную работу, тѣмъ она жизненнѣе. Такъ?

— Да,—отвѣтилъ богоискатель

— Значитъ, если бы старообрядчество изъ года въ годъ занималось законодательными переворотами: въ этомъ году издало бы одинъ церковный законъ, а въ слѣдующемъ отмѣнило бы его и издало новый, — то тогда вы признали бы старообрядчество жизненнымъ, творческимъ: смотрите, молъ, что дѣлаетъ старообрядчество — ему все ни по чемъ: и такъ и этакъ рѣшаетъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же каждый годъ мѣнять каноны, — отвѣтилъ брюнетъ богоискатель. — Нужно это дѣлать по мѣрѣ надобности, въ соотвѣтствіи съ потребностями времени.

— Мало ли какихъ бываетъ потребностей времени, — горячился писатель. — Что же—Церковь должна ихъ удовлетворять. Отъ нея потребуютъ, чтобы она освящала убійства и самоубійства, или разрѣшала тотъ или иной грѣхъ, который является потребностью даннаго времени. Тогда зачѣмъ намъ Церковь? На что она? Грѣшить мы и безъ нея умѣемъ. Зло и преступленія освящаются и безъ ея участія. Своими требованіями, предъявляемыми къ Церкви, вы, — сказалъ писатель съ досадою, — превращаете ее изъ богочеловѣческаго организма въ орудіе человѣческихъ страстей и пороковъ. Избавь насъ Богъ отъ такой творческой церкви.

Гнѣвный выпадъ ѳедосѣевца нѣсколько смутилъ участниковъ бесѣды. Но мягкій и спокойный юристъ поспѣшилъ устранить это смущеніе.

— Горячиться не слѣдуетъ, — замѣтилъ онъ весьма деликатно и сейчасъ же обратился къ богоискателю.

— Я все хочу убѣдить васъ, что отстаиваніе старыхъ устоевъ не есть мертвенность Церкви. Вы сами же признали, что въ древнихъ завѣтахъ есть много непреходящаго, неизмѣннаго, вѣчнаго. И если Церковь отстаиваетъ все это, то не мертвѣетъ же она отъ этого. Вотъ если бы Церковь отказалась отъ первѣйшаго своего долга—творить жизнь людей доброй, чистой, праведной; отказалась бы отъ присущаго ей благотворнаго вліянія на всѣ стороны человѣческой жизни: личной, семейной, общественной и государственной, — тогда, конечно, она стала бы ненужной въ мірѣ, превратилась бы именно въ безжизненный трупъ. Пока же она выполняетъ свой долгъ, она жизненна. Творчество Церкви заключается не въ демонстраціи все новыхъ и новыхъ изобрѣтеній и установленій, а въ спасеніи людей, въ созиданіи на землѣ Царства Христова. Вы вотъ все подчеркивали, что Церковь есть богочеловѣческій организмъ. Это высокое опредѣленіе. Но позволительно спросить: вѣрите ли вы сами, что Церковь дѣйствительно — богочеловѣческій организмъ?

— Вѣрю, конечно.

— Но голословнаго утвержденія мало. Нужно доказать чѣмъ-либо свою вѣру.

Богоискатель ничѣмъ не могъ доказать свою вѣру въ Церковь. Оказалось, что онъ не только не хранитъ и не исполняетъ ея установленій, но и относится къ нимъ съ презрѣніемъ, какъ къ пережиткамъ далекаго времени. Выяснилось, что онъ даже не исповѣдуется, не причащается и въ храмъ не ходитъ.

— Да, вотъ, оно что значитъ, — «богочеловѣческій организмъ», — осуждающе проговорилъ г писатель. — Организмъ-то онъ организмъ, и Духъ Святой въ немъ дѣйствуетъ, а слушать-то мы его и не думаемъ. «Мы—сами съ усамъ». Что намъ Церковь? Напрасно вы и толкуете о творчествѣ и жизненности Церкви. Для васъ Церковь совсѣмъ не существуетъ.

Богоискатель былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе. Онъ на самомъ дѣлѣ оказался безпочвеннымъ интеллигентомъ, который любитъ поговорить о чемъ угодно, но который совсѣмъ не пригоденъ къ созидательной жизни. Неспособенъ онъ быть членомъ Церкви, неспособенъ и жить въ Церкви. Тѣмъ не менѣе, старообрядецъ-юристъ продолжалъ «допытывать» богоискателя: ему хотѣлось болѣе полно выяснить взглядъ богоискателя на Церковь, ея права и творчество. Можетъ быть этотъ взглядъ—большинства современной интеллигенціи.

— Вы держитесь того взгляда, что если Церковь не имѣетъ права измѣнить что-либо изъ прежнихъ своихъ постановленій, то она уже и безжизненна, ибо стоитъ все на однихъ и тѣхъ же основахъ, что были у ней тысячу лѣтъ назадъ. Этотъ взглядъ вашъ ошибоченъ. Вы можете говорить, что Церковь безправна, потому что не можетъ то или иное нарушить или установить, но вы не имѣете основанія утвер-

ждать, что она вслѣдствіе этого безправія—безжизненна, превратилась въ стоячее болото. И мы, какъ отдѣльныя лица, такъ и общества и государства, лишены права творить грѣхи, совершать преступленія, дѣлать что-либо безсовѣстное, непристойное, безчестное. На всѣ эти дѣла мы — безправны. Но отсюда не слѣдуетъ, что мы находимся въ застоѣ, что съ нами не совершается эволюція, что мы не прогрессируемъ, не совершенствуемся.

— Эволюція, прогрессъ, — насмѣшливо подхватилъ г. писатель, снова перебивъ г. юриста. — Представьте, что у васъ прогрессировали бы носъ и уши: все росли бы и увеличивались. Что бы вышло изъ такого прогресса? Одно уродство. Прогрессировать и эволюціонировать можно только въ правдѣ, добрѣ, красотѣ. Древніе пустынники, святые, преподобные — вотъ были первые прогрессисты. Они довели свою жизнь до ангельскаго блаженства, а духовную красоту до небеснаго совершенства. Церковь тогда, выражаясь по современному, дѣйствительно эволюціонировала. Теперь же отъ нея требуютъ совсѣмъ не эволюціи, не творчества, не жизненности, а паденія, крушенія, уродства. Вотъ если бы она установила для людей не подвиги, а легкую, свободную жизнь; разрѣшила бы свободно грѣшить, дала бы волю низкимъ человѣческимъ страстямъ, — тогда бы о ней сказали современные прогрессисты: вотъ эта Церковь — такъ жизненна, она живетъ творческой жизнью, она отвѣчаетъ современности. А по моему, по церковному, это была бы смерть Церкви, она въ такомъ преступномъ прогрессѣ измѣнила бы своему назначенію, своей истинной природѣ. Представьте, что государство перестало бы преслѣдовать преступниковъ, дало бы поблажку ворамъ, отмѣнило бы наказаніе мошенникамъ, — хорошъ былъ бы этотъ прогрессъ. Скоро все государство превратилось бы въ общество бандитовъ и шарлатановъ. Церковь должна, какъ можно, строже охранять свои

вѣчные завѣты и принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы они сдѣлались правилами жизни, если возможно, всѣхъ людей. Если Церковь достигаетъ этой цѣли, она дѣйствительно прогрессируетъ. Вы, милостивые государи, религіозные и церковные обновленцы, — обратился писатель къ высокому брюнету, — требуете отъ Церкви вовсе не прогресса и не творчества, а измѣны своей сущности, потаковничества человѣческимъ слабостямъ и страстямъ. Я прямо заявляю, что старообрядческая Церковь на это не пойдетъ, иначе она перестанетъ быть Церковью Христа, а станетъ компаньонкой грѣхолюбиваго общества. Вмѣсто требованія, напр., отъ голоса, чтобы онъ становился сильнѣе, красивѣе, пріятнѣе,— вы хотите, чтобы онъ или хрипѣлъ или совсѣмъ онѣмѣлъ. Въ этомъ вы видите его творчество и прогрессъ. Перестанетъ Церковь возвышать людей до рая, повернетъ она на путь человѣческой бездны, вы тогда признаете ее своей, близкой вамъ, родной...

Писатель произнесъ эту тираду быстро, горячо, точно выстрѣлилъ залпомъ. Юристъ не успѣлъ сдѣлать ему и замѣчанія, что онъ вмѣшался въ неоконченный разговоръ юриста съ богоискателемъ, что то же своего рода преступленіе. Писатель, впрочемъ, самъ догадался, что онъ поступилъ безтактно и сейчасъ же извинился, какъ только замѣтилъ недоумѣніе на лицахъ своихъ собесѣдниковъ.

— Извиняюсь, извиняюсь, господа,—произнесъ онъ,— простите: погорячился, не вытерпѣлъ. Продолжайте, продолжайте свой разговоръ, я буду слушать спокойно.

— Я поставлю вамъ такой вопросъ, — спокойно продолжалъ свой разговоръ съ высокимъ брюнетомъ старообрядецъ-юристъ: — Церковь установила для кровнаго родства восемь степеней, только въ восьмой степени она разрѣшаетъ бракъ. По вашему, она, конечно, можетъ отмѣнить это установленіе и разрѣшить бракъ въ ближнихъ степеняхъ. Если

бы я сказалъ, что Церковь не можетъ этого сдѣлать, вы бы, разумѣется, признали бы ее замершей, мертвымъ трупомъ.

— Конечно. Что же это за Церковь, если она не можетъ сократить даже степени родства. Это совсѣмъ какая-то мертвечина.

— Ну, вотъ, — вы и скажите: можетъ ли Церковь сократить кровное родство до четырехъ степеней, т.-е. разрѣшить браки между двоюродными лицами?

— Несомнѣнно, можетъ. Въ протестантствѣ такіе браки — обычное явленіе.

— Но можетъ ли она, прогрессируя далѣе, эти четыре степени кровнаго родства сократить до двухъ степеней?

— То-есть, какъ это? — недоумѣвающе спросилъ богоискатель.

— То-есть, разрѣшить бракъ на родной сестрѣ?

Высокій брюнетъ всталъ въ тупикъ и задумался. Помолчавъ немного, онъ отвѣтилъ:

— Это уже слишкомъ близкое родство. Такой бракъ будетъ противоестественнымъ.

— Почему же противоестественнымъ? Сыновья Адама женились же на своихъ родныхъ сестрахъ.

— А арцыбашевскій Санинъ, — вставилъ писатель, — тоже не прочь сойтись съ родной сестрой.

— Ну, знаете, все-таки нужно имѣть мѣру допустимаго, — какъ-то неувѣренно проговорилъ брюнетъ; — нужно считаться съ традиціями, съ понятіемъ культурнаго общества, наконецъ, съ физіологическими законами. Нѣтъ, я не допускаю, чтобы Церковь могла разрѣшить такіе браки.

— Но дѣло не въ томъ, допуститъ ли такіе браки Церковь, — не отставалъ отъ своего вопроса юристъ, — а *въ ея правѣ* допустить ихъ. Имѣетъ ли она на это право?

Опять задумался богоискатель. Онъ, видимо, догадывался, что г. юристъ сумѣлъ поставить его въ собственное по-

ложеніе. Но рѣшительно отвѣтилъ, что Церковь не имѣетъ на это права. Иначе онъ и не могъ отвѣтить. Если бы онъ отвѣтилъ, что Церковь можетъ сократить кровное родство до двухъ степеней, то старообрядецъ-юристъ поставилъ бы вопросъ: можетъ ли она разрѣшить бракъ въ одной степени родства, т.-е. отцу жениться на дочери, а сыну на матери. Несомнѣнно, здѣсь ужъ, какой бы ни былъ богоискатель, онъ поставилъ бы преграду праву Церкви дѣлать подобныя разрѣшенія. Но высокій брюнетъ воздвигъ ее немного раньше—на второй степени родства.

— Какъ не имѣетъ права? — воскликнулъ г. юристъ.— Развѣ Церковь безжизненна? Развѣ она можетъ быть въ застоѣ? Вѣдь вы же говорили, что она не можетъ и не должна стоять на одномъ мѣстѣ. А теперь сами заявляете, что она не въ правѣ сдвинуться съ второй степени кровнаго родства. Вы противорѣчите самому себѣ. Я не вижу теперь разницы между вашимъ взглядомъ на право Церкви и старообрядческимъ. Старообрядецъ говоритъ, что Церковь не имѣетъ права сократить степени родства до семи степеней, вы говорите, что она не имѣетъ права сократить до двухъ степеней. Если на самомъ дѣлѣ, какъ увѣряете вы, Церковь становится мертвой отъ этого безправія, то она у старообрядца замираетъ на седьмой степени, а у васъ — на второй. Въ сущности это одно и то же, потому что конецъ у обоихъ одинъ— смерть.

Молчаливо прислушивавшійся къ разговору между юристомъ и богоискателемъ г. директоръ реальнаго училища намолъ умѣстнымъ выступить въ этомъ пунктѣ спора съ своими замѣчаніями.

— Позвольте замѣтить вамъ, — началъ онъ, обращаясь къ высокому брюнету, — что вы держитесь неправильнаго взгляда на творчество Церкви, связывая его съ ея правомъ— дѣлать тѣ или иныя постановленія. Одно дѣло—ея право и

другое—ея творчество. Нельзя обобщать одно съ другимъ. Не только о Церкви во многихъ случаяхъ мы говоримъ, что она не въ правѣ и не можетъ по своей природѣ дѣлать то или иное дѣло. Но и о Самомъ Богѣ, Творцѣ всего, мы также говоримъ, что Онъ не можетъ, напр., творить зло, родить грѣхъ, не можетъ быть несправедливымъ, неправеднымъ; не можетъ измѣнить Самому Себѣ, не можетъ уничтожить Себя и проч., и проч. Нельзя же изъ этого выводить, что Богъ, вслѣдствіе сего, лишонъ творческой дѣятельности. Церковь не имѣетъ права измѣнять евангельскія заповѣди, она не имѣетъ права совершать убійства, не можетъ заниматься фабричными и торговыми дѣлами, не можетъ быть государственнымъ учрежденіемъ. Есть на свѣтѣ тысячи дѣлъ и должностей, которыя не только не присущи Церкви, но и чужды ей и враждебны. Она не можетъ и не въ правѣ ими заниматься. Но отсюда не слѣдуетъ, что она безжизненна, что она не способна къ творческой дѣятельности. У ней своя область, изъ которой она не должна выходить. Не будете же вы требовать отъ орла, чтобы онъ нырялъ на днѣ морскомъ, а отъ кита, чтобы онъ леталъ по поднебесью. И тотъ, и другой не сумѣютъ выполнить этихъ требованій. Но значитъ ли это, что они безпомощны, мертвы. Конечно, нѣтъ. Возьмите вы самаго геніальнаго художника, — ему, какъ и всѣмъ художникамъ, воспрещается рисовать картины порнографическаго или кощунственнаго содержанія. Это воспрещеніе, однако, не стѣсняетъ его творчества. Онъ воленъ развить свой талантъ до необычайной силы, но только въ дозволенной области. Тоже, можно сказать и относительно талантливыхъ писателей-художниковъ. Они лишены права проповѣдывать преступныя идеи, безчестить кого-либо, клеветать, богохульничать. Но отъ этого степень ихъ художественнаго таланта не понижается, творчество ихъ не замираетъ. Напротивъ — поставленныя писателямъ рамки только способствуютъ раз-

витію ихъ таланта, предостерегая послѣдній отъ разврата или размѣна на чуждое ему занятіе. Примѣните это положеніе къ Церкви. Она, дѣйствительно, не въ правѣ многаго дѣлать. Но изъ этого нельзя дѣлать выводъ, какъ это дѣлаете вы, что она и безжизненна, и мертва, и т. д. Вы укажите, въ чемъ вы усматриваете мертвенность старообрядчества. Намъ, старообрядцамъ, весьма желательно знать, почему современное интеллигентное общество не можетъ быть старообрядческимъ?

**
*

— Старообрядчество предъявляетъ слишкомъ строгія требованія къ своимъ членамъ,—отвѣтилъ богоискатель,— культурные люди нашего времени не могутъ ихъ выполнить. У старообрядцевъ строгіе посты, длинныя службы, много обрядовъ. Все это, знаете ли, несовременно. Это ужъ является для интеллигентнаго человѣка лишнимъ, не нужнымъ.

— Да говорите откровенно, — не вытерпѣлъ писатель, — современной интеллигенціи совсѣмъ не нужны ни Церковь, ни вѣра, ни Богъ. Вѣдь это правда?

— Есть, конечно, разная интеллигенція, есть въ ея средѣ и совсѣмъ отрицающіе Церковь, есть и атеисты. Съ этими не можетъ быть никакого примиренія. Но мы говоримъ о вѣрующей интеллигенціи, признающей и Бога и Церковь. Ей трудно придерживаться старообрядчества.

— Въ чемъ же трудность? — переспросилъ г. юристъ, видимо, болѣе другихъ заинтересованный этимъ вопросомъ.— Требуетъ соблюденія постовъ не одна старообрядческая Церковь, а и другія христіанскія церкви: и р.-католическая, и армяно-григоріанская, и русская господствующая, и англиканская и даже протестантская. Разница между старообрядчествомъ въ этомъ дѣлѣ и, напр., господствующей церковью только та, что старообрядцы стараются выполнить это тре-

бованіе, тогда какъ члены господствующей церкви почти не признаютъ его. Тамъ даже пастыри церковные не считаютъ нужнымъ исполнять требованіе своей церкви: ѣдятъ мясное даже Великимъ постомъ. Они тоже не прочь пофилософствовать, что Церковь — необыкновенно сильное и властное учрежденіе, что она по своему значенію стоитъ выше всего міра, она — богочеловѣческій организмъ, домъ Божій, Тѣло Христа и т. п. А какъ только дѣло коснется выполненія установленій этого богоподобнаго учрежденія, тѣ же философствующіе батюшки заявляютъ: да мало ли чего Церковь требуетъ — всего не выполнишь. Въ ихъ теоріи Церковь — что-то величественное, божественное, а на практикѣ она для нихъ—нуль, ничто. Конечно, и интеллигентные люди перестали вѣрить въ такую церковь. Но мы немного уклонились въ сторону. Богъ имъ судья, этимъ безстрашнымъ нарушителямъ церковныхъ уставовъ. Мнѣ кажется непонятнымъ, почему интеллигентныя лица, разъ они вѣрующіе люди и церковники, не могутъ выполнить установленій Церкви относительно поста. Существуютъ же и у насъ, въ Россіи, и за границей вегетаріанскія общества, считающія преступнымъ употребленіе убоины: они совсѣмъ воспрещаютъ ѣсть мясо и рыбу, а болѣе строгіе вегетаріанцы питаются одними только растительными продуктами. Все это лица преимущественно интеллигентныя, культурныя, нѣкоторыя даже съ европейскимъ именемъ. Совмѣщается же съ ихъ культурою такое постоянное постничество, такой подвигъ воздержанія отъ скоромной пищи? Почему же нельзя совмѣстить эту же культурность съ церковнымъ постомъ.

— При чемъ тутъ культурность, — возразилъ г. директоръ, — ее нельзя противопоставлять Церкви. Я ужъ имѣлъ случай замѣтить, что немыслимо двѣ совершенно различныя области ни смѣшивать, ни противопоставлять. Иначе выйдетъ безсмыслица: я, напр., соблюдаю постъ, ну значитъ я не-

культурный человѣкъ; какой-нибудь невѣжда никакого понятія не имѣетъ о церковныхъ постахъ и поэтому не соблюдаетъ ихъ, онъ можетъ сойти за культурнаго человѣка. По моему, если нѣкоторыя лица не выполняютъ церковныхъ предписаній, то дѣлаютъ это не потому, что они культурные или некультурные люди, а оттого, что не уважаютъ Церковь, презираютъ ее, оттого, что они вообще безрелигіозные люди и имъ все святое и религіозное ни по чемъ, оттого, что у нихъ душа не дисциплинирована, вѣтрена, привыкла къ своеволію и служенію грѣху и похоти. О какой-нибудь культурности напрасно при этомъ и говорить. Въ нарушеніи церковныхъ завѣтовъ теперь простые невѣжественные мужики перегнали всякую интеллигенцію. Скоро, пожалуй, нарушеніе церковныхъ уставовъ будетъ считаться признакомъ невѣжества, грубости и дикости.

— Вы не состоите ли членомъ какого-либо общества?— спросилъ старообрядецъ-юристъ г. богоискателя.

Высокій брюнетъ перечислилъ рядъ обществъ, въ которыхъ онъ состоитъ членомъ, нѣкоторыми изъ нихъ онъ даже руководитъ. Между другими обществами онъ назвалъ: «О-во насажденія въ Россіи безусловной трезвости», «О-во покровительства животнымъ», «О-во борьбы за чистоту русскаго языка» и «О-во религіозно-нравственнаго просвѣщенія».

— Вы не признаете ихъ богочеловѣческимъ организмомъ? — ядовито вставилъ свой вопросъ писатель-ведосѣвецъ.

Богоискатель смолчалъ, понявъ остроту поставленнаго вопроса.

— Вы считаете, вѣдь, необходимымъ, — продолжалъ юристъ, — исполнять уставы этихъ обществъ?

Высокій брюнетъ подтвердилъ, что всѣ члены существующихъ обществъ обязаны исполнять всѣ пункты общественныхъ уставовъ. Въ противномъ случаѣ, — какіе же они чле-

ны? Ни одно общество не можетъ существовать, если члены его перестанутъ считаться съ его правилами или уставомъ. Такіе члены приносятъ только вредъ обществу, они—преступники. Можетъ ли быть терпимъ въ обществѣ, напримѣръ, «насажденія въ Россіи безусловной трезвости» какой-нибудь пьяница или просто пьющій человѣкъ, или въ «Обществѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія» человѣкъ нерелигіозный и безнравственный. Такихъ людей ни единой минуты нельзя терпѣть въ обществѣ. Однимъ своимъ поведеніемъ они вносятъ въ общественную среду соблазнъ и разложеніе. Безъ всякой пощады они должны быть изгнаны изъ общества, членами котораго они состоятъ по какому-то преступному попустительству. Если они не исполняютъ правилъ общества, то ясно, что они относятся къ нему съ неуваженіемъ. Они становятся людьми просто неприличными. И съ ними, какъ таковыми, нечего церемониться.

**
*

— Наши всѣ человѣческія отношенія построены на взаимномъ довѣріи другъ къ другу, — говорилъ г. директоръ, — и на честномъ выполненіи взятыхъ на себя обязательствъ. Если бы не было этого условія, немыслима была бы наша культурная жизнь. Если кто служитъ на государственной службѣ, онъ обязанъ выполнять всѣ ея требованія. Невыполненіе ихъ есть уже безчестность, такъ какъ оно нарушаетъ взятыя на себя обязанности этимъ служителемъ. Служащіе въ какой-либо фирмѣ должны стоять за ея интересы. Всякое дѣйствіе ихъ во вредъ своей фирмѣ, есть уже преступленіе Тѣмъ болѣе преступны нарушенія церковныхъ обязательствъ. Церковь во всякомъ случаѣ выше торговыхъ фирмъ и свѣтскихъ обществъ, уставы ея—священны. Однако, мы наблюдаемъ такое явленіе въ средѣ современнаго культурнаго общества. Неисполненіе какихъ-нибудь обыва-

тельскихъ обѣщаній, нарушеніе мелочныхъ общественныхъ приличій культурные люди признаютъ возмутительнымъ преступленіемъ и даже мошенничествомъ; а нарушеніе церковныхъ обязательствъ, преступленіе предъ самымъ богочеловѣческимъ организмомъ, они ставятъ въ особую добродѣтель, чуть ли не въ подвигъ. По крайней мѣрѣ, бахвалятся своимъ презрѣніемъ къ церковнымъ установленіямъ. Вотъ это отношеніе къ Церкви, по нашему (старообрядческому) мнѣнію, есть некультурность, своего рода нечестность и мошенничество. Требуя уставности и исполненія церковныхъ правилъ, старообрядцы отстаиваютъ искренность и честность въ церковной области, они стоятъ за вѣрность и порядочность въ дѣлахъ религіи и Церкви И нужно откровенно признать, что и въ данномъ случаѣ культурность, вѣрнѣе—высшія ея требованія на сторонѣ старообрядцевъ.

— Въ Церкви такъ много всякихъ правилъ и требованій, что нѣтъ возможности всѣ ихъ выполнить, — замѣтилъ богоискатель.

— Нарушителямъ есть покаяніе. Каемся же мы въ современномъ свѣтскомъ обществѣ. Едва нарушили какое-либо приличіе, сейчасъ же извиняемся, говоримъ «пардонъ», т.-е. приносимъ покаяніе. Неизвинившагося господина признаютъ въ обществѣ невѣждой, неприличнымъ, грубымъ и т. п. Но какъ только дѣло касается церковныхъ нарушеній, интеллигентные люди, отстаивающіе героически даже ничтожную мелочь въ обывательскихъ отношеніяхъ, находятъ, наоборотъ, неприличнымъ исполненіе церковныхъ правилъ и обычаевъ. Попробуйте вы въ современномъ культурномъ, разумѣется христіанскомъ, обществѣ перекреститься передъ принятіемъ пищи, что требуется духомъ, правилами и тысячелѣтнимъ обычаемъ Церкви, васъ засмѣютъ. Тѣ же самые господа, которые восхитительно живописуютъ Церковь, какъ богочеловѣческій организмъ, удивленно пожмутъ плечами.

увидѣвъ какъ христианинъ перекрестился въ ихъ обществѣ— въ обществѣ интеллигентовъ-богоискателей, жаждущихъ богочеловѣческаго процесса и новыхъ откровеній въ Церкви вселенской. Для нихъ исполненіе церковныхъ правилъ есть неприличіе, нетерпимое въ современномъ культурномъ обществѣ.

— А замѣчали ли вы въ нашемъ обществѣ такое явленіе, — продолжалъ наблюдательный г. директоръ. — Одна дама рекомендуетъ другой хорошаго врача· «Замѣчательный докторъ, — восхищается она, — съ какимъ вниманіемъ онъ выслушиваетъ паціента — всего-то его осмотритъ, выстукаетъ, разспроситъ, чѣмъ раньше болѣлъ, здоровы ли его родители, просмотритъ прежніе его рецепты. И все-то онъ предусмотритъ: и пищу, и воздухъ, и отдыхъ, и прогулки,— все-все. Цѣлыми часами держитъ паціента въ своемъ кабинетѣ. Замѣчательный докторъ. Сходите, милая, къ нему». И къ такому доктору дѣйствительно охотно идутъ самые изнѣженные люди, они въ восхищеніи отъ него. Правильно ли онъ лѣчитъ ихъ, этого они не знаютъ. Они чрезвычайно довольны тѣмъ, что ихъ долго разспрашиваетъ врачъ, а еще дольше даетъ имъ наставленія и совѣты, какъ уберечь себя отъ заболѣваній и какъ лѣчиться отъ обнаруженной врачомъ болѣзни. Но послушайте ту же даму, такъ упоительно расхвалившую внимательнаго врача, какой она дастъ отзывъ о священникѣ—духовномъ врачѣ, если тотъ позволитъ себѣ быть внимательнымъ къ своей духовной паціенткѣ. «Какой ужасный этотъ духовникъ,—будетъ она роптать на него,— Помилуйте, продержалъ меня на исповѣди цѣлыхъ четверть часа. И все давалъ совѣты, какъ уберечь себя отъ грѣха и соблазна, все толковалъ о чистотѣ души, о спасеніи ея. Да сталъ еще разспрашивать, какъ я живу—молюсь ли я, пощусь ли, хожу ли въ храмъ. И пошолъ, и пошолъ онъ съ своими разспросами да наставленіями. Измучилъ совсѣмъ,

не знаю, какъ живая выбралась отъ него. Это — извергъ какой-то Никогда теперь не пойду къ нему на исповѣдь То ли дѣло былъ прежній священникъ, у него просто было весело исповѣдываться: онъ никакихъ грѣховъ не спрашивалъ и наставленіями не мучилъ. Въ одну минуту, бывало. отпуститъ. Милый былъ батюшка, деликатный, веселый и шутникъ...». Весьма характерно это противоположное отношеніе къ двумъ врачамъ — тѣлесному и духовному. Оно характеризуетъ современное общество. Всѣ мы необыкновенно заботимся о нашемъ тѣлѣ, его здоровьѣ, красотѣ. Ради него готовы принимать самыя отвратительныя лѣкарства, готовы не только цѣлыми часами сидѣть у врачей, но всю жизнь лѣчиться. Что же касается души, то для нея мы ничего не хотимъ дѣлать. Какой-нибудь уходъ за ней намъ въ тягость, мы ропщемъ на всякое средство, прописанное намъ для души. Нашъ вѣкъ, — неожиданно заключилъ г. директоръ, — какой-то бездушный, машинный. И пока онъ будетъ таковымъ, культурному обществу будетъ чужда истинно-церковная жизнь. Нужно совершить коренной переворотъ современной жизни всего культурнаго человѣчества, тогда только можно надѣяться, что оно способно будетъ сдѣлаться подлинно христіанскимъ.

— Неужели вы серьезно думаете, — спросилъ писатель, — что если бы современнымъ дамамъ врачи прописали въ видѣ лѣкарства постъ, молитвы, земные поклоны, такъ онѣ стали бы все это исполнять?

— Несомнѣнно, лишь бы онѣ были увѣрены, что отъ этого будетъ тѣло ихъ цвѣтущимъ. Съ какой охотой набросились онѣ еще не такъ давно на «Мою систему» Мюллера и на всякаго рода гимнастики, изъ которыхъ нѣкоторыя не уступятъ Марьиному стоянію. Скажу болѣе: если бы крестное знаменіе, поклоны, моленіе въ домахъ, если бы все это было «хорошимъ тономъ» высшаго общества, — вы тогда бого-

мольнѣе нашихъ интеллигентовъ никого бы на свѣтѣ не нашли, превзошли бы они древнихъ пустынниковъ. Ужасно любятъ они подражать такъ-называемому «высшему обществу».

Съ этимъ нѣсколько парадоксальнымъ выводомъ г. директора не согласился богоискатель.

— Вы неправы въ своихъ нападкахъ на интеллигенцію, — началъ высокій брюнетъ. — Для нея чужды всякіе церковные обряды не потому, что они исходятъ отъ Церкви, а не отъ высшаго общества, но оттого, что они по самой природѣ своей несовмѣстимы съ требованіями религіозной совѣсти интеллигентнаго человѣка. Люди образованные стоятъ выше всякой обрядности. Она имъ просто не нужна, они не чувствуютъ въ ней никакой потребности. Они жаждутъ религіи возвышенной, одухотворенной, полной высокихъ идеаловъ, духовной красоты — религіи любви, всепрощенія, сострадавія. Такая религія совсѣмъ не нуждается въ какихъ-либо формахъ, въ обрядахъ. Нужна святость души, а не земные поклоны, нужна добродѣтель, а не постное кушанье.

— Одни слова и слова, — не вытерпѣлъ писатель. — Ахъ, если бы эти интеллигенты, жаждущіе столь возвышенной совсѣмъ какой-то безформенной религіи, заявили врачамъ, когда пришлось бы имъ лѣчиться отъ какой-нибудь физической болѣзни: «Зачѣмъ намъ ваши смазыванія, полосканія, бинтованія и т. п. обрядность. Намъ нужно здоровье, а не лѣкарства; намъ нужны силы, а не пузырьки съ какой-то жидкостью, не перевязки изъ тряпокъ и марли. Долой все это лишнее, ненужное, противное. Дайте намъ здоровую, цвѣтущую, полную красоты и силъ жизнь. Вотъ, что намъ нужно». Любопытно, что отвѣтили бы врачи, даже самые знаменитые, на такое требованіе современныхъ людей, жаждущихъ одухотворенной жизни.

**
*

— Нашъ истинный и единый Врачъ, Христосъ, отвѣтилъ давно, какимъ должно быть поклоненіе Богу, — вмѣшался въ бесѣду сектантъ. — «Настанетъ время, — говорилъ Христосъ Самарянкѣ, — и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ. Богъ есть Духъ: и поклоняющіяся Ему, должны поклоняться въ духѣ и истинѣ». (Іоан. IV, 23—24). Никакихъ обрядовъ не нужно. Требуется только духъ и истина. И это религія истинная Христова. Люди же попридумали разные поклоны, иконы, ризы. Всѣми этими обрядами они только затмили христіанскую религію.

— Позвольте васъ спросить, — поставилъ вопросъ сектанту старообрядецъ-юристъ, — Самъ-то Христосъ былъ истиннымъ поклонникомъ Богу?

Сектантъ обидѣлся за этотъ вопросъ и негодующе отвѣтилъ:

— Праздный и неумѣстный вопросъ. Кто же не знаетъ, что Христосъ не только истинный служитель Отца Небеснаго, но Онъ въ то же время единородный Сынъ Его. Онъ кромѣ того установитель религіи въ духѣ и истинѣ.

— Вотъ и нужно знать, — сказалъ добродушно и мягко г. юристъ, — какъ же молился Богу Самъ Основатель религіи въ духѣ и истинѣ. Какой образецъ моленія оставилъ Онъ намъ, его послѣдователямъ. Объ Его геѳсиманской молитвѣ говорится въ Евангеліи: «И отошедъ немного, *палъ на Лице Свое*, молился и *говорилъ:* Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія» (Матѳ. XXVI, 39). Это моленіе было несомнѣнно въ духѣ и истинѣ. Не такъ ли? Но оно было съ земными поклонами и съ словами; было видимымъ, облеченнымъ въ форму, въ обрядъ. Но Христосъ былъ «одухотвореннымъ», преисполненнымъ духовной красоты и силы.

Казалось бы, Ему совсѣмъ не нуженъ никакой обрядъ, особенно въ молитвѣ къ Своему Отцу, Котораго никто не знаетъ, только Сынъ. Однако, какъ видите, и Самому Христу потребовалось обрядовое поклоненіе Богу, тѣмъ болѣе оно нужно намъ, какъ облеченнымъ въ форму—тѣло.

— Я осмѣлился бы назвать моленіе Христа «въ духѣ и истинѣ», — вставилъ свое заключеніе г. директоръ, — чисто старообрядческимъ моленіемъ, ибо оно было истовымъ, усерднымъ, сознательнымъ. Старообрядцы именно за такое моленіе стоятъ: въ каждый обрядъ они вкладываютъ содержаніе — духъ и выполняютъ его точно, уставно, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ былъ одухотвореннымъ и истиннымъ обрядомъ, какъ моленіе Христа.

— Ни одной религіи на свѣтѣ нѣтъ безъ обряда, да и не можетъ быть, — горячо заговорилъ писатель-вѣдосѣвецъ. — Даже сектанты, отвергающіе обряды и видимое поклоненіе Богу, имѣютъ водное крещеніе, храмы, пѣсни, музыку, надписи на стѣнахъ своихъ храмовъ, даже преклоненіе главъ практикуется у нихъ. Того и жди, что они начнутъ класть земные поклоны. На колѣни уже становятся. Странная эволюція совершается съ сектантствомъ, доходящая нерѣдко до курьезовъ. Въ русскомъ сектантствѣ, преимущественно въ баптизмѣ, образовался не такъ давно новый толкъ, подъ названіемъ «духовныхъ христіанъ». Онъ ожесточенно и съ страшной ненавистью нападаетъ на баптизмъ, и знаете ли за что? За обряды. Баптисты насъ осуждаютъ за обрядность и за формы, а ихъ за это же самое обличаютъ «духовные христіане». Между ними идетъ интересная полемика, я съ большимъ удовольствіемъ слѣжу за ней «Духовные христіане» издаютъ въ г. Тифлисѣ свой печатный органъ съ громкимъ и многоговорящимъ титуломъ: «*Духовный христіанинъ* сыновъ свободы, поклоняющихся Отцу въ духѣ и истинѣ. Органъ религіозно-философскаго освободи-

тельнаго движенія противъ буквы, обрядовъ и догматовъ». Не правда ли—громкое названіе? Похоже на американскую рекламу, — съязвилъ г. писатель. — Уже одно заглавіе ихъ журнала совмѣщаетъ въ себѣ сколько буквъ: сразу и не осилишь ихъ. Оно стоитъ цѣлую кучу обрядовъ. Въ одномъ журнальномъ титулѣ цѣлая догматика «духовныхъ христіанъ». Словомъ, они ухитрились заключить въ него все, противъ чего борятся: букву, обрядъ и догматы. Но не въ этомъ еще курьезъ ихъ эволюціи. Они недавно организовались въ общину. Разумѣется, явилась потребность собираться вмѣстѣ. Сначала собирались въ частныхъ квартирахъ. Но всѣ чувствовали неудобство такихъ помѣщеній. Рѣшили построить общественный домъ. Вотъ уже первая «видимость» появилась у «сыновъ свободы». Но какъ наименовать этотъ домъ? «Общественный домъ» — это слишкомъ обще. Клубомъ назвать тоже неудобно. Рѣшили назвать «молитвеннымъ домомъ духовныхъ христіанъ». Такимъ образомъ, у нихъ появился «рукотворенный храмъ». Но этого «обряда» имъ оказалось мало. На собраніяхъ они читаютъ, говорятъ, молятся. Но нужно, чтобы это было въ извѣстномъ порядкѣ, послѣдовательности, приличіи. Потребовалось избрать руководителя. Но какъ же его опредѣлить: кто онъ? Онъ въ духовномъ собраніи руководитъ. Командиромъ его нельзя назвать, президентомъ— тоже. Думали, думали борцы съ буквою и рѣшили дать своему руководителю званіе презвитера («братъ-старецъ»). Народилась, такимъ образомъ, іерархія. Но тутъ сами-собою поднялись вопросы о правахъ этого духовнаго вождя, о порядкѣ его избранія, замѣстительствѣ, объ отношеніи его къ самимъ «христіанамъ». И пошла писать «духовная» губернія: буквы такъ и запрыгали въ ихъ сознаніи и въ ихъ духовной жизни. Курьезнѣе всего было «освященіе» ихъ молитвеннаго дома. Какъ-то неудобно войти въ него безъ всякаго освященія, точно это стадо барановъ

загнано въ хлѣвъ. Надумали «освятить» свой храмъ. Но какъ? Нужно это сдѣлать, чтобы видно было всѣмъ, что дѣйствительно совершается «освященіе» храма. А видно вѣдь только видимое, т.-е. форма, обрядъ. Безъ него никакъ не обойтись неистовымъ борцамъ съ обрядомъ. Собрались они въ назначенный день въ свой храмъ, сѣли за столъ, затѣмъ всѣ стали на колѣни и прочитали молитву. Вотъ и все «освященіе». Совсѣмъ незатѣйливое, но все же видимое, обрядовое. Хоть плохой это обрядъ, но онъ покорилъ себѣ «сыновъ свободы, поклоняющихся въ духѣ и истинѣ», какъ величаютъ они себя И ихъ духъ и истина вынуждены были облечься въ форму. Какъ ни боролись они съ буквой и обрядомъ, но послѣдніе побѣдили ихъ. Та же исторія случилась и съ ихъ догматами. Сами же духовные христіане стали вопрошать своихъ вождей: какъ нужно имъ понимать о Богѣ, въ трехъ ли Онъ Лицахъ или въ одномъ Лицѣ; что значатъ три Лица, какое ихъ взаимное отношеніе? Потомъ поднялись вопросы о Христѣ, объ Его безсѣменномъ рожденіи, о воскресеніи съ плотію и цѣлый рядъ другихъ вопросовъ. И вотъ теперь разверните любую книжку журнала «Духовный Христіанинъ», вы тамъ то и дѣло встрѣчаете статьи: «Христосъ — источникъ свѣта», «Догматъ о сѣмени Давида», «Воскресъ ли Христосъ», «Гдѣ живетъ Богъ», «О свободѣ человѣческой воли» и т. п. Да какими догматистами-богословами оказались руководители «органа движенія противъ догматовъ»: въ своихъ схоластическихъ сужденіяхъ они превзошли средневѣковыхъ богослововъ-іезуитовъ. Но и этого имъ недостаточно — они начали издавать свои учебники по Закону Божію въ формѣ катехизиса. Вотъ вамъ и борцы за религію безъ обрядовъ и догматовъ. Сами превратились въ обрядовѣровъ и схоластическихъ богослововъ.

Рѣчь писателя, сказанная въ ироническомъ тонѣ, но въ то же время съ серьезнымъ обоснованіемъ, произвела надле-

жащее впечатлѣніе на сектанта: онъ не нашолся что возразить старообрядцу-писателю. Богоискатель же согласился. что дѣйствительно безъ обрядовъ нельзя обойтись въ религіозной и церковной жизни.

**
*

— Но не нужно имъ придавать, — говорилъ онъ, — большого значенія, какъ это дѣлаютъ старообрядцы. Обрядъ это только скорлупа содержимаго. Важно самое содержаніе а внѣшность, форма это пустяки.

— Нѣтъ, не пустяки, — возразилъ г. писатель. — Я думаю, что вы сами больше заботитесь о скорлупѣ, чѣмъ о содержимомъ ее Ваше тѣло есть скорлупа вашего духа. Скажите по совѣсти, что вы больше холите и нѣжите—ваше ли тѣло или душу? О душѣ-то вы, можетъ быть, разъ въ годъ вспомните, да и вспомните ли еще, а за тѣломъ каждый день, даже каждый часъ, ухаживаете: заботитесь объ его здоровьи, чистотѣ, красотѣ. Въ этихъ заботахъ о скорлупѣ вы перещеголяли самого «обрядовѣрнаго» старообрядца. Присмотритесь къ современному культурному обществу, и вы увидите, что оно живетъ если не исключительно, то преимущественно для тѣла, для скорлупы.

— Конечно, необходимо заботиться и о тѣлѣ: въ здоровомъ тѣлѣ здоровый и духъ.

— Однако, о духѣ-то вы мало заботитесь, а все больше о тѣлѣ.

— Мнѣ кажется, — замѣтилъ г. юристъ, — вся жизнь наша слагается изъ обрядовъ и формъ, безъ нихъ она была бы немыслима. И если, тѣмъ не менѣе, интеллигентныя лица отзываются пренебрежительно объ обрядѣ, то это только потому, что имъ до болѣзненности хочется сказать что-нибудь новое, неожиданное. Или хочется имъ показать, что они какіе-то воздушные люди, стоящіе выше всякихъ формъ и об-

рядовъ Но этого показать нельзя, потому что сами они поглощены обрядомъ, но только въ другой, нерелигіозной области. Обрядъ насъ воспитываетъ, дисциплинируетъ, руководитъ въ жизни. Я сказалъ бы, что онъ во всякой религіи, даже въ сектантствѣ, имѣетъ больше значенія, чѣмъ догматы вѣры, чѣмъ самая вѣра. Не только простой народъ, но и высокообразованные люди не чувствуютъ на себѣ вліянія догматовъ, они въ большинствѣ случаевъ и не знаютъ догматическихъ формулъ. Даже спеціалистъ-богословъ не сразу дастъ вамъ точное опредѣленіе того или иного церковнаго догмата. Спросите вы любого образованнаго человѣка, разумѣется, церковника. какъ нужно вѣровать въ Троицѣ Сына Божія — во плоти или безъ плоти? Повѣрьте, что онъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ незнаніемъ. Да и спеціалистъ-богословъ призадумается надъ этимъ вопросомъ, какъ и надъ многими другими. Сказать откровенно, эти догматы никакого вліянія не имѣютъ на нашу жизнь. Мы ихъ совсѣмъ не понимаемъ и не знаемъ. Не въ такомъ отношеніи находятся обряды. Они ежедневно вліяютъ на нашу душу, характеръ и волю. Обстановка храма, пѣніе, порядокъ службы, поклоны, посты — все это производитъ на насъ непосредственное впечатлѣніе. А впечатлѣніе—огромная воспитывающая сила. Если оно производится методически и ежедневно, оно даритъ большими результатами. Обряды — это цѣлая школа. Дорогой мнѣ пришлось прочесть отчетъ объ одиннадцатомъ международномъ конгрессѣ сіонистовъ, состоявшемся въ Вѣнѣ въ 1913 году. Евреи прекрасно понимаютъ, чѣмъ можно воздѣйствовать на человѣка. Они — замѣчательные психологи. На конгрессѣ поднялся вопросъ: какая нужна школа евреямъ и на что главнымъ образомъ нужно обращать въ ней вниманіе — на духъ ли ея, содержаніе, или на форму преподаванія, на языкъ, систему и т. п. Одинъ изъ представителей еврейства, В. Жаботинскій, говорилъ: «Несогласенъ я съ

тѣми, кто говоритъ, что центръ тяжести въ содержаніи школы, а не въ ея формѣ, не въ ея языкѣ. Посмотрите, сколько ассимиляторовъ и ренегатовъ дали намъ наши хедеры и ешиботы, а вѣдь тамъ изучалось великое множество еврейскихъ предметовъ... Да, *центръ тяжести именно въ формѣ, въ языкѣ, который формируетъ нашу психику, окрашиваетъ ее въ опредѣленный цвѣтъ, отъ котораго потомъ не отдѣлаешься*» («Православн. Обозр.», 1914 г., мартъ, стр. 550). Сіонистскій конгрессъ согласился съ доводами г. Жаботинскаго И онъ правъ. Мы всѣ знаемъ и чувствуемъ, какое рѣшающее вліяніе имѣютъ на насъ форма, обстановка, обрядъ. Нѣтъ, какъ вы тамъ ни философствуйте объ одухотворенной жизни, но она въ предѣлахъ земного существованія ничто безъ обряда.

— Обрядъ можно сравнить съ стилемъ, слогомъ, съ письменностью, — продолжилъ мысль юриста г. директоръ реальнаго училища. — Не одна мысль, какъ бы она ни была проста, не можетъ быть выражена безъ обряда, т.-е. безъ словъ и письма. Мы, кромѣ того, требуемъ, чтобы она была выражена стильно, художественно. А казалось бы, зачѣмъ это. Довольно было бы одной ясности мысли. Но этого намъ, образованнымъ людямъ, недостаточно. По слогу и по выполненію грамматическихъ правилъ мы судимъ объ авторѣ, — грамотенъ онъ или безграмотенъ. Мы требуемъ непремѣнно грамотнаго изложенія. Въ сущности, это вѣдь скорлупа, не стоило бы на нее и обращать вниманія: какъ бы ни написано было, лишь бы понятно. Однако, школы наши больше всего обращаютъ вниманія на эту скорлупу. И тѣ же педагоги, которые пренебрежительно относятся къ церковной обрядности, какъ къ чему-то ненужному, готовы спорить до смерти изъ-за какой-нибудь запятой. Конечно, и запятая много значитъ. Пусть отстаиваютъ ее педагоги со всей горячностью и страстностью. Но дайте же такое право и старообряд-

цамъ отстаивать свой обрядъ, свой церковный стиль. Не говорите что онъ не нуженъ, что онъ несовременененъ.

— Никто и не лишаетъ старообрядцевъ права отстаивать свои обряды, — возразилъ высокій брюнетъ-богоискатель.—Мы только говоримъ о томъ, что современнымъ интеллигентнымъ людямъ въ тягость старообрядческіе обряды и старообрядческая служба

— Позвольте, какіе же именно обряды старообрядческіе могутъ быть въ тягость интеллигентному, но вѣрующему человѣку?—спросилъ юристъ.

— А развѣ,—поспѣшилъ г. писатель, не давъ отвѣтить богоискателю на поставленный вопросъ. — А развѣ требованіе Евангелія—вести праведную и цѣломудренную жизнь не въ тягость современному культурному обществу? Укажите мнѣ хотя одного интеллигента, который охотно выполнилъ бы всѣ заповѣди Христа Что же—тогда значитъ и Евангеліе нужно отмѣнить, такъ какъ всѣ его требованія давно устарѣли, чужды нашей современности и прежде всего составляютъ непосильную тягость намъ, интеллигентнымъ людямъ. Словомъ, тяжело быть истиннымъ христіаниномъ. Не лучше ли ужъ, — горячился писатель, — вести языческую жизнь, распущенную, вольную, безудержную. Такая жизнь совсѣмъ не въ тягость и во вкусѣ современнаго безрелигіознаго общества.

— Но такая жизнь ведетъ къ разложенію, упадку и даже вымиранію человѣчества, — замѣтилъ г. директоръ, и напомнилъ, что темой разговора долженъ быть вопросъ о старообрядчествѣ.

**
*

Старообрядецъ-юристъ повторилъ свой вопросъ. Богоискатель затруднился сразу отвѣтить на него. Какіе въ самомъ дѣлѣ старообрядческіе обряды могутъ быть въ тягость интел-

лигентному человѣку Старообрядчество стоитъ за истовость обрядовъ, т.-е. ихъ отчетливость, точность—за ихъ истинность, чтобы они на самомъ дѣлѣ изображали то, что предназначены изображать. Не были бы исковерканными, изломанными, небрежными, растрепанными, т.-е. некультурными, безпорядочными. Развѣ эта культурность въ тягость культурному человѣку?

— У старообрядцевъ,—отвѣтилъ богоискатель послѣ нѣкотораго размышленія,—слишкомъ продолжительны службы, тянутся онѣ цѣлыми часами: какъ могутъ выдерживать ихъ дряхлые старики, малыя дѣти. Они измучаются за такой службой. Никакая молитва не пойдетъ въ голову при такомъ утомительномъ богослуженіи. Интеллигентному человѣку, сознательному не подъ силу такое богослуженіе.

— Извините, — проговорилъ писатель - феодосѣевецъ. — Я заступлюсь за интеллигентнаго человѣка. Длинная служба можетъ быть утомительна лѣнтяю, или разслабленному физически человѣку, но не культурному, сознательно вѣрующему человѣку. Я замѣчалъ въ своей старообрядческой средѣ, что старики и старухи жалуются на поспѣшность въ богослуженіи: имъ бы еще помолиться, а тутъ ужъ служба идетъ къ концу. Здоровенные же лодыри, извините за выраженіе, жалуются на продолжительность службы. За картами они просидятъ двое сутокъ безъ перерыва и не пожалуются на утомленіе; въ пивной, въ трактирѣ они будутъ сидѣть длинными часами, плясать будутъ цѣлый вечеръ. Все это ихъ не утомитъ. Для этого у нихъ есть и силы и здоровье, а вотъ помолиться въ недѣлю какой-нибудь часъ-другой—тутъ они вамъ закряхтятъ и заохаютъ: и ноги у нихъ не стоятъ, и поясница болитъ, и голова разстроилась. Вся бѣда не въ богослуженіи, а въ психикѣ такихъ субъектовъ,—съ негодованіемъ закончилъ г. писатель.

— А знаете ли вы, какъ продолжительны богослуженія

у старообрядцевъ?—обратился къ богоискателю г. юристъ.—Мнѣ думается, вы не имѣете вѣрнаго представленія о нихъ. У насъ продолжается литургія только два часа или самое большое—2½. Развѣ это ужъ такъ много на всю недѣлю, т.-е. на 168 часовъ. Нужно пожалѣть, что слишкомъ мало времени мы отдѣляемъ на молитву Богу. Неужели въ самомъ дѣлѣ тягостно интеллигентному человѣку разъ въ недѣлю (въ воскресенье) помолиться какихъ-нибудь два часа. Да еще гдѣ помолиться? Въ храмѣ, при торжественномъ богослуженіи, полномъ величавой поэзіи.

— Но кромѣ литургіи есть еще всенощныя службы,—неохотно замѣтилъ высокій брюнетъ, точно чувствуя за собой какую-то вину.

— Всенощное богослуженіе занимаетъ 3—3½ часа. Оно чередуется чтеніемъ каѳизмъ, поученія, пролога, когда разрѣшается молящимся сидѣть въ храмѣ. И это богослуженіе ничуть неутомительно. Утомленіе зависитъ отъ настроенія молящагося, отъ его отношенія къ молитвѣ. Художникъ радъ цѣлые дни ходить по картинной галлереѣ; онъ будетъ испытывать здѣсь высокое чувство наслажденія, забудетъ отдыхъ, пищу, удобства. Человѣкъ же безъ художественнаго чутья и пониманія утомится на 5—10-й картинѣ и побѣжитъ изъ галлереи, какъ изъ скучнаго и постылаго мѣста. Изнѣженныя, совсѣмъ хрупкія, часто безкровныя барышни могутъ танцовать цѣлыми вечерами; онѣ не смѣютъ и жаловаться на усталость. Но заставьте ихъ только одинъ часъ простоять на молитвѣ,—откуда только появится у нихъ и слабость, и переутомленіе; послышатся жалобы на изувѣрство и варварство XVI—XVII вѣка. Вдумайтесь въ этотъ фактъ и рѣшите—богослуженіе ли повинно въ такихъ печальныхъ результатахъ? Не воспитаніе ли наше тому виною. Не оно ли насъ разслабило, развратило, оттолкнувъ отъ всего молитвеннаго, церковнаго, божественнаго.

— Совсѣмъ мало мы молимся, — съ грустью еще разъ повторилъ г. юристъ.—Къ литургіи даже въ старообрядческихъ храмахъ стала приходить публика или къ апостолу или къ Херувимской. Стало быть, молится она какой-нибудь часъ и того меньше. А вы говорите,—съ укоромъ онъ обратился къ высокому брюнету, — продолжительны службы у насъ. Сколько же, по вашему, нужно молиться въ недѣлю—5—10 минутъ?

— Въ господствующей церкви,—вставилъ писатель,—сокращаютъ въ нѣкоторыхъ храмахъ литургію до 15—20 минутъ, а всенощную до 30—40 минутъ. Это—безобразіе Сокращаютъ службу какъ попало, какъ вздумается мѣстному настоятелю. Въ одномъ разсказѣ, кажется Потапенко, говорится, что священникъ хвалился бывшимъ у него псаломщикомъ: все у него выходило быстро, живо. Начнетъ бывало: «Помилуй мя, Боже» и сейчасъ же: «на алтарь Твой тельцы». Однажды предъ литургіей говорю ему,—разсказываетъ священникъ,—смотри, Пахомъ, сегодня поскорѣй заканчивай: мнѣ недосугъ. Постараюсь,—говоритъ,—батюшка. Только я сказалъ: «Благословенъ Богъ», слышу онъ поетъ: «Буди имя Господне».—Что ты, Пахомъ, дѣлаешь,—кричу ему изъ алтаря. А онъ отвѣчаетъ: «Не могу, батюшка, короче». Какое тутъ короче,—замѣчаетъ священникъ,—когда всю литургію выбросилъ.—Вотъ развѣ такое богослуженіе установить для интеллигенціи: не успѣлъ войти въ храмъ, какъ сейчасъ же выходъ изъ него—просто и легко.

— По-моему,—сказалъ г. директоръ,—это не богослуженіе, а кощунство. Каждое богослуженіе представляетъ изъ себя извѣстную цѣльность, законченную картину: ни прибавить, ни убавить изъ нея ничего нельзя, иначе получится уродство. Я представить себѣ не могу, что можно выбросить изъ литургіи. Это въ живой дѣйствительности евангельская исторія. Перекроить ее, это значитъ создать нѣчто въ родѣ

толстовскаго евангелія. Года два тому назадъ въ Третьяковской галлереѣ (въ Москвѣ) какой-то сумасшедшій изрѣзалъ картину Рѣпина: «Іоаннъ Грозный». Какое возмущеніе по этому случаю поднялось и въ образованномъ обществѣ, и въ печати и въ мірѣ художниковъ. Возмущеніе было вполнѣ понятное и справедливое. Но вотъ на нашихъ глазахъ далеко не сумасшедшіе попы безжалостно кромсаютъ болѣе дивную картину, чѣмъ произведеніе Рѣпина,—божественную литургію, въ которой каждый штрихъ освященъ тысячелѣтней исторіей и благодатью Божіей, гдѣ все проникнуто божественной красотой,—перекраиваютъ эту картину на безобразный Тришкинъ кафтанъ,—и всѣ молчатъ, никто ни единымъ словомъ не возмущается, какъ будто такъ и надо. И это неодинаковое отношеніе къ свѣтскому и духовному творчеству также весьма характерно для современнаго культурнаго общества. Все грубое, дикое, варварское въ свѣтской средѣ—становится нормальнымъ и общепризнаннымъ въ церковно-религіозной области.

Прислушивавшійся къ разговору никоніанинъ согласился, что не должно сокращать богослуженіе.

— У насъ теперь,—сообщилъ онъ,—раздаются голоса за уставную службу.

— Пора, давно пора, вамъ, — подхватилъ писатель,— итти по старообрядческому пути.

— По вашему пути мы не собираемся итти. У васъ не такъ молятся, какъ слѣдуетъ.

— Какъ такъ?—вспылилъ ѳедосѣевецъ.

— У васъ молятся въ храмахъ по командѣ, по-солдатски заодно всѣ кланяются, совмѣстно крестятся. Это ужъ не моленіе, а какое-то машинное круженіе. Молитва должна быть искренней, пламенной, по порыву души. Мнѣ не хочется креститься, а мнѣ говорятъ: крестись; у меня совсѣмъ нѣтъ желанія кланяться, а я долженъ это дѣлать, потому только, что всѣ это дѣлаютъ.

— Вы, значитъ, совсѣмъ отвергаете соборную службу, т.-е общую храмовую молитву,—удивился г. юристъ.

— Нѣтъ, не отвергаю,—отвѣтилъ никоніанинъ.

— Какъ же нѣтъ? Священникъ возглашаетъ: «Главы ваша преклоните». А вы отвѣчаете: «А мнѣ не охота теперь кланяться, нѣтъ порыва для этого». Онъ говоритъ: «Миръ всѣмъ». А вы въ это время думаете: «И чего онъ пристаетъ ко всѣмъ». Діаконъ провозглашаетъ: «вонмемъ!» Вы же совсѣмъ несклонны внимать его призыву. По-вашему, у васъ должна быть молитва индивидуальной, лично только вашей, а не общей, не соборной. Вамъ поэтому совсѣмъ не зачѣмъ ходить въ храмъ, молитесь дома.

— Я бывалъ въ сектантскихъ молитвенныхъ собраніяхъ и въ вашихъ храмахъ,—обратился къ никоніанину писатель.—Скажу откровенно, у сектантовъ больше порядка и чинности, чѣмъ у васъ. Тамъ молитва общая, сосредоточенная. Если сектантскій презвитеръ предлагаетъ встать или преклонить главу, всѣ это дѣлаютъ какъ одинъ человѣкъ. А у васъ не молитва, а какая-то толкучка: одни молятся, кладутъ поклоны, другіе такъ стоятъ или разговариваютъ. Смотришь—въ одномъ углу стоятъ на колѣняхъ, а въ другомъ—завязывается флиртъ. Что происходитъ въ алтарѣ, какая часть богослуженія совершается—для всѣхъ вашихъ богомольцевъ это безразлично. Они совсѣмъ не прислушиваются къ порядку службы, каждый молится самъ по себѣ. И запой у васъ за литургіей что-либо изъ всенощной службы или за всенощной что-либо изъ литургіи, изъ васъ никто на это не обратитъ вниманія. Въ своемъ храмѣ вы совсѣмъ чужіе люди. Вы сами по себѣ, а служба сама по себѣ. Я бывало наблюдалъ за вашими богомольцами: одни уходятъ, другіе приходятъ, точно это въ какой-то чайной—пришелъ, заказалъ чаю, выпилъ и пошелъ. А до остального ему никакого дѣла нѣтъ.

Рѣчь г. писателя, видимо, смутила никоніанина: онъ не сталъ защищать безпорядочную молитву въ храмахъ господствующей церкви, однако замѣтилъ, повторивъ прежнее свое заявленіе:

— Но нельзя же и по командѣ молиться. Какая это молитва.

— Вы развѣ никогда не видѣли, какъ народъ, собранный въ огромномъ количествѣ, вдругъ охватывается общимъ порывомъ—запѣть въ одинъ голосъ какую-нибудь пѣснь или гимнъ. Такой порывъ можно ли признавать машиннымъ, бездушнымъ, вызваннымъ командой? Молитва въ храмѣ должна быть общей, соборной. Недаромъ же дьяконъ возглашаетъ: «Міромъ Господу помолимся». Міромъ, т.-е. сообща, совмѣстно, а не въ одиночку. «Едиными усты и единымъ сердцемъ» мы должны славить Господа. Въ храмѣ мы объединяемся въ одну соборную душу, въ одинъ общій порывъ молитвы. Церковь есть Тѣло съ различными удами (членами), дѣйствія которыхъ должны быть взаимно согласованными. Если,—говоритъ апостолъ Павелъ,—одинъ удъ страждетъ, съ нимъ страждетъ все Тѣло; если же онъ радуется, радость его раздѣляетъ также все Тѣло. Въ старообрядческихъ храмахъ потому не допускается и пѣніе разноголосное, что оно—противно церковному единству. Три-четыре голоса тянутъ разныя ноты, они намѣренно выдѣляются. При такомъ пѣніи молящіеся интересуются голосами и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на самое содержаніе распѣваемой пѣсни Богу. «Слушайте-ка,—говорятъ,—какъ забираетъ теноръ, а октава-то какъ играетъ». Богослуженіе превращается въ концертное отдѣленіе, которому мѣсто совсѣмъ не въ храмѣ, а на подмосткахъ увеселительныхъ помѣщеній. Никто не станетъ отрицать извѣстную красоту разноголоснаго пѣнія. Но вѣдь и шахматная игра красива, есть и танцы чрезвычайно красивые. Мало ли

на свѣтѣ красивыхъ вещей и дѣйствій. Есть дивные оркестры. Неужели все это, потому только, что оно намъ нравится и дѣйствительно красиво, можно вносить въ домъ Божій. Богослужебная распущенность въ господствующихъ храмахъ и допущеніе въ нихъ театральности привели къ тому, что вы утеряли церковную, т.-е общую, хоровую, службу Всѣ вы молитесь въ разсыпную, въ одиночку. Въ храмы ваши заходятъ или чтобы послушать хорошіе голоса, или чтобы особнякомъ помолиться Для первой цѣли служатъ совсѣмъ иныя учрежденія, а вторую можно лучше выполнить дома. Храмы, такимъ образомъ, являются въ господствующей церкви совсѣмъ излишними. Вы сами же не признаете общей молитвы, говорите, что она совершается по командѣ. Вашъ взглядъ на церковную молитву и ведетъ къ упраздненію храмовъ, какъ ненужныхъ учрежденій.

— Я указалъ бы еще на то,—дополнилъ рѣчи старообрядцевъ г. директоръ,—что общая молитва и унисонное пѣніе сглаживаютъ и совсѣмъ устраняютъ въ храмѣ наши человѣческія различія. Здѣсь и купецъ, и нищій, и знатный, и незнатный становятся равными. Никто не въ правѣ выказать свое обывательское отличіе или похвалиться какимъ-нибудь своимъ личнымъ достоинствомъ. Такъ и должно быть въ истинной Церкви. Я съ глубокой признательностью преклоняюсь и передъ требованіемъ старообрядческой Церкви—всѣмъ быть въ храмѣ въ одинаковой одеждѣ—одинаковаго покроя и непремѣнно длинной. Такое одѣяніе уравниваетъ людей и лишаетъ возможности разсѣиваться на разнообразныхъ покрояхъ и цвѣтахъ. При разнообразномъ же платьѣ богомольцы какъ-то невольно отвлекаются отъ молитвы: ихъ интересуетъ то одинъ фасонъ платья, то другой. Имъ ужъ начинаетъ казаться, что они попали въ богатый магазинъ готоваго платья. По платью они начинаютъ различать, кто изъ богомольцевъ богатый, кто чиновникъ, кто изъ бѣднаго

люда. Гдѣ ужъ тутъ до общей молитвы. Въ старообрядческомъ же храмѣ трудно развлекаться посторонними предметами. Каждый богомолецъ долженъ внимательно слѣдить за богослуженіемъ, въ противномъ случаѣ прозѣваешь въ нужный моментъ поклониться, согласно отвѣтить на возгласъ священника или дьякона. Такое условіе общей молитвы, такое напряженіе вниманія, пусть сначала и невольное, такая сосредоточенность настойчиво втягиваютъ въ общую молитву, и вы невольно забываете мірскую суету и всѣ ея заботы. Вы становитесь истиннымъ богомольцемъ съ искренними порывами вашей души къ Богу Таковъ психологическій законъ: воля человѣка именно такимъ путемъ воспитывается. Для культурнаго, образованнаго человѣка должно быть болѣе, чѣмъ кому-либо, ясно, что именно старообрядческое богослуженіе со всѣми его условіями есть разумная молитва Богу, есть вполнѣ церковное, соборное служеніе въ истинномъ смыслѣ этого опредѣленія.

— Да, пожалуй, это вѣрно,—съ какою-то разсѣянностью проговорилъ высокій брюнетъ.—Но все же старообрядцы, по-моему, слишкомъ привержены къ формамъ, обрядамъ, ко всему внѣшнему, часто мелочному и пустяшному. У васъ считается за грѣхъ даже брадобритіе. Это ужъ, какъ ни хвалите старообрядчество и его церковность и уставность, не можетъ не вызвать со стороны людей культурныхъ осуждающей улыбки.

***

— Съ бородой у старообрядцевъ цѣлая исторія,—ехидно и торжествующе произнесъ сектантъ, очень довольный тѣмъ, что наконецъ подвернулась благодарная для него тема, гдѣ можно поиронизировать надъ старообрядчествомъ. — Каждый годъ, — продолжалъ онъ насмѣшливо, — они считаютъ своимъ долгомъ поговорить на своемъ соборѣ о бо-

родѣ, какъ будто это такая важная вещь, безъ которой жить нельзя на свѣтѣ Божіемъ. И архіереи старообрядческіе и попы говорятъ въ своихъ проповѣдяхъ только объ одной бородѣ, пишутъ о ней воззванія, увѣщанія, на исповѣди объ ней разспрашиваютъ. Борода у нихъ выросла въ такіе ужасающіе размѣры, что все собой закрыла—всѣ существенные и несущественные вопросы религіозной жизни. У старообрядцевъ, кажется, меньше говорятъ о Христѣ и Самомъ Богѣ, чѣмъ о бородѣ. Если у нихъ появятся пьяницы—это они терпятъ; живутъ старообрядцы прелюбодѣйно, и на это они смотрятъ снисходительно. Но какъ только немножечко хватилъ ножницами волосы на бородѣ, сейчасъ же вамъ готовится погибель: вы становитесь въ ихъ глазахъ преступникомъ, еретикомъ. Спросите любого старообрядческаго священника или даже архіерея о какомъ-нибудь важномъ религіозномъ вопросѣ, существенномъ для жизни, онъ пожалуй не сразу отвѣтитъ вамъ на него и можетъ быть совсѣмъ не отвѣтитъ. Зато ужъ на счетъ бородки онъ вамъ всѣхъ святыхъ отцовъ потревожитъ, да такихъ начитаетъ вамъ осужденій и проклятій, что съ одного страху пойдешь и обрѣешься въ чистую, чтобы на твоемъ лицѣ ни одного волосочка не осталось: все равно ужъ въ адъ итти. Бритому тамъ все же будетъ легче: меньше будетъ матеріала для горѣнія.

Острое высмѣиваніе сектантомъ старообрядчества по поводу отношеній послѣдняго къ бородѣ привело старообрядцевъ-интеллигентовъ въ замѣшательство. Они, какъ показалось постороннему наблюдателю, хотѣли уклониться отъ обсужденія вопроса о бородѣ. Великая ли вещь борода и стоитъ ли о ней говорить серьезнымъ людямъ. Писатель—вѣдосѣвецъ попробовалъ было шуточно отдѣлаться отъ нападокъ сектанта.

— Наши наставники,—сказалъ онъ смѣясь,—не хотятъ отставать отъ требованій вѣка, но почему-то подражаютъ не мужчинамъ, а дамамъ. Можетъ быть это подражаніе модніе

и наши защитники бороды становятся сразу людьми новаго вѣка, вѣроятно, ужъ 21-го. Вы посмотрите, что дѣлаютъ въ наше время съ волосами женщины, не простыя—крестьянскія бабы, а дамы свѣта, аристократки, во всякомъ случаѣ интеллигентныя женщины. Онѣ въ тысячу разъ болѣе брадовѣрны или точнѣе—волосовѣрны, чѣмъ всѣ старообрядческіе начетчики и наставники. Ужасно онѣ любятъ волосы. Не довольствуясь своими волосами, которыя они всячески причесываютъ, заплетаютъ, завиваютъ, взбиваютъ и т. п. фокусы съ ними продѣлываютъ, онѣ еще накладываютъ на нихъ чужіе волосы, платя за нихъ большія деньги. Не мало онѣ расходуютъ и на выкрашиваніе своихъ и чужихъ волосъ. Семейству и мужьямъ просто разоренье отъ этого преклоненія современныхъ женщинъ передъ волосами. Слава Богу, что Онъ еще не далъ имъ бороды. Что бы онѣ тогда только выдѣлывали съ ней. Каждый волосочекъ бы изъ нея берегли, лелѣяли; выращивали бы бороду до невѣроятныхъ размѣровъ и ужъ, навѣрно, стали бы приставлять къ ней чужіе волосы для пышности и роскоши бороды. Повѣрьте, тогда и всѣ мужчины начали бы продѣлывать то же. Пришлось бы нашимъ отцамъ духовнымъ говорить проповѣди противъ увлеченій мужчинъ бородой. Вѣдь вы знаете, почему мужчины теперь брѣютъ бороды? Потому, что имъ очень хочется быть похожими на женщинъ. Вотъ вы, напр.,—приставъ писатель къ сектанту,—зачѣмъ брѣете бороду?

— Да такъ, для удобства,—уклончиво отвѣтилъ сектантъ.

— Нѣтъ, вы не уклоняйтесь, а по совѣсти отвѣчайте,—сказалъ ѳедосѣевецъ съ плохо скрываемымъ гнѣвомъ. Онъ, повидимому, былъ недоволенъ, что сектантъ свелъ серьезную бесѣду о старообрядчествѣ къ вопросу о бородѣ и поэтому напалъ на него.

— Вы своимъ бритьемъ бороды,—продолжалъ писатель,—совершаете рядъ преступленій. Во-первыхъ, вы ста-

вите ее выше души своей, даже выше Бога: о душѣ и о Богѣ вы можетъ быть разъ въ недѣлю вспомните, а бороду каждый день подчищаете. Вы превратились въ бородопоклонника. Наши вотъ наставники и говорятъ вамъ, поклонникамъ бороды: «Ради Бога не обращайте вы на бороду вниманія. Лучше заботьтесь о душѣ». Во-вторыхъ, сбривая бороду, вы совершаете обманъ: намъ думается, глядя на ваше бритое лицо, что вамъ будетъ лѣтъ 30-ть, а вамъ, навѣрное, есть ужъ лѣтъ 50-тъ. Но насъ-то вы обманете—это еще не велика бѣда. Нѣтъ сомнѣнія, что вы стараетесь показать себя молодымъ и щеголеватымъ предъ женщинами. Не такъ ли? Вотъ вы совершаете третій грѣхъ—и себя и другихъ соблазняете и прельщаете. Наши наставники, обличая брадобритіе, собственно борятся съ обманомъ и прелестью. Въ-четвертыхъ. вы не слушаете богочеловѣческаго организма. Вы все возвышали Церковь, что она имѣетъ величайшее значеніе, а постановленія ея презираете. Она говоритъ вамъ: не брейте бородъ вашихъ, а вы нарочно, на зло ей брѣете. Въ-пятыхъ, вы, сбривая бороду, превращаетесь въ женщину, нарушая этимъ образъ Божій, т.-е. данный Богомъ образецъ, идею мужского рода. Бородой онъ отличилъ мужчину отъ женщины. А вы идете наперекоръ Богу: Ты, Господи, такъ хочешь, а мы вотъ какъ дѣлаемъ. Какъ это еще не додумаются люди срѣзать себѣ носы и уши: эти вещи совсѣмъ лишнія у человѣка Въ-шестыхъ, вы совершаете... Впрочемъ, будетъ и этого съ васъ,—закончилъ свои обличенія разошедшійся писатель.— Вы и изъ этого должны понять, что старообрядцы, борящіеся съ брадобритіемъ, чище и праведнѣе передъ Богомъ, чѣмъ ваши брадобрѣи, да и культурнѣе ихъ.

— Вы очень жестоко нападаете,—съ упрекомъ замѣтилъ богоискатель.

— Ничего не подѣлаешь,—оправдывался вседосѣвецъ, какъ аукнется, такъ и откликнется.

Сектантъ былъ озлобленъ. Онъ не ждалъ, что на его ехидное и насмѣшливое нападеніе на старообрядцевъ будетъ данъ достойной цѣнности отпоръ. Онъ могъ только проговорить съ нескрываемымъ желаніемъ унизить своихъ собесѣдниковъ-старообрядцевъ:

— Брадовѣры вы, а еще люди 20-го вѣка

Старообрядцамъ не хотѣлось вести разговоръ о бородѣ. Но такъ какъ сектантъ вызывающе упрекнулъ ихъ въ брадовѣріи и ему, видимо, сочувствовалъ богоискатель, то имъ невольно пришлось принять вызовъ

***

— Не сектантамъ бы, всегда хвалящимся, что они слѣдуютъ одному только свящ. Писанію, осуждать насъ въ брадовѣріи, а нашихъ пастырей высмѣивать въ отстаиваніи бороды,—началъ возражать г. директоръ реальнаго училища.— Наши пастыри не брадовѣрнѣе свв. апостоловъ. Какъ тѣ запрещали своимъ послѣдователямъ заботиться о волосахъ, такъ наши пастыри выступаютъ съ тѣмъ же апостольскимъ запрещеніемъ.

— Это гдѣ же апостолы писали о волосахъ? — нетерпѣливо спросилъ сектантъ.

— Апостолъ Павелъ писалъ объ этомъ въ первомъ посланіи къ Тимоѳею: «Желаю чтобы на всякомъ мѣстѣ произносили молитвы мужи, воздѣвая чистыя руки безъ гнѣва и сомнѣнія; чтобы также и жены, въ приличномъ одѣяніи, со стыдливостью и цѣломудріемъ, украшали себя *не плетеніемъ волосъ,* не жемчугомъ, не многоцѣнною одеждою, но добрыми дѣлами, какъ прилично женамъ, посвящающимъ себя благочестію» (гл. II, ст. 8—10). Другой апостолъ, Петръ, это же самое писалъ въ первомъ своемъ соборномъ посланіи: «Да будетъ украшеніемъ вашимъ не *внѣшнее плетеніе волосъ,* не золотые уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный

сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ» (гл. III, ст. 3—4). Какъ видите, оба верховныхъ апостола признавали вопросъ о волосахъ немаловажнымъ. Въ «Апостольскихъ постановленіяхъ» изложено прямое запрещеніе брить и стричь бороду (кн. I, гл. 3, стр. 6). Старообрядческіе пастыри лишь повторяютъ то, что предали имъ апостолы. И если они дѣйствительно апостольскіе преемники, то и должны неуклонно вести апостольскую проповѣдь. Можетъ быть, они слишкомъ часто говорятъ о бородѣ, слѣдовало бы порѣже о ней говорить. Но они оправдываются тѣмъ, что сами брадобрѣи вызываютъ ихъ на это. Я былъ свидѣтелемъ такого разговора между нашимъ владыкой (директоръ назвалъ имя одного старообрядческаго епископа) и однимъ виднымъ старообрядцемъ, брѣющимъ бороду. «Владыко, — говорилъ ему этотъ старообрядецъ, — нельзя ли о брадобритіи не говорить на соборѣ? А то стыдно за наши соборы: каждый годъ они твердятъ все объ одномъ и томъ же—все о бородѣ и о бородѣ. Это, владыко, уже несовременно. Надъ нами смѣются никоніане». Владыко съ грустью выслушалъ эту просьбу и спрашиваетъ: «Скажите, пожалуйста, вы сколько разъ въ году брѣете бороду?» Брадобрѣя смутилъ этотъ вопросъ, но онъ все же отвѣтилъ, что бороду брѣетъ почти каждый день. «Вотъ видите, какіе вы несправедливые люди, — ласково произнесъ владыка. — Мы только одинъ разъ въ году затронемъ вопросъ о бородѣ, и вы возмущаетесь, гнѣваетесь на насъ. А сами вы 360 разъ въ году бреетесь за бороду, и это ничего. Намъ даже нельзя на эти 360 разъ хотя одинъ разъ сказать свое слово». По-моему, — заключилъ г. директоръ, — владыка правъ. Вѣдь съ идеальной христіанской точки зрѣнія брадобритіе есть преступленіе, грѣхъ. Не могутъ же истинные пастыри проходить этотъ грѣхъ молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что онъ — открытый, публичный.

— Съ евангельской точки зрѣнія можетъ быть это и такъ, — замѣтилъ богоискатель. — Но съ житейской, особенно современной, это большой курьезъ, отъ котораго вѣетъ XVI—XVII вв. древней Руси.

— А знаете что, — опять горячо заговорилъ писатель-вегосѣвецъ,—нашъ XX вѣкъ гораздо обрядовѣрнѣе XVI и XVII вѣковъ Россіи.

— Вотъ какъ! Неужели? — иронически и въ одинъ голосъ воскликнули сектантъ и никоніанинъ.

— Я серьезно говорю, — невозмутимо продолжалъ г. писатель. — Возьмите хотя вопросъ о бородѣ. Русскій человѣкъ прошлыхъ вѣковъ не обращалъ на нее никакого вниманія: растетъ себѣ и пускай растетъ. Причешетъ онъ ее, пригладитъ для опрятности и благообразія, тѣмъ дѣло и кончалось. Похоже ли это хотя каплю на брадовѣріе? Ничуть. Но присмотритесь къ людямъ XX вѣка, какое чрезвычайное вниманіе они удѣляютъ бородѣ, до какой невѣроятной степени они ухаживаютъ за ней, придавая ей всевозможнѣйшіе виды: есть фасонъ бороды англійскій, французскій, испанскій и еще какой-то. Усы они закручиваютъ и завиваютъ на всякіе лады и манеры. Подсчитать бы — сколько современные люди тратятъ денегъ на свои бороды. Посмотрите, какое огромное количество парикмахерскихъ возросло во всѣхъ городахъ всего свѣта. Мнѣ думается, въ одной Москвѣ, этомъ центрѣ русской святыни и религіозности, воздвигнуто храмовъ бородѣ больше, чѣмъ истинному Богу и всѣмъ Его святымъ: на каждой улицѣ вы встрѣчаете парикмахерскія. Всѣ брадобрѣи вѣрятъ въ бороду, какъ въ какую-то магическую силу, какъ въ чудо. Во всякомъ случаѣ они заботятся о ней больше, чѣмъ религіозные люди — о храмахъ, иконахъ, церковной утвари и т. п. святыни. Однихъ косметическихъ средствъ (всякой помады, фиксатуару, духовъ и проч.) тратится на бороду гораздо больше, чѣмъ свѣчъ и ладана на всѣ

храмы по всему міру. Борода у современныхъ культурныхъ людей стала какимъ-то богомъ, предъ которымъ они каждый день преклоняются. Сказать откровенно, русскіе люди XVII вѣка, несмотря на свою глубокую религіозность, меньше приносили жертвъ Самому Богу, чѣмъ люди XX вѣка бородѣ. А вы ищете ихъ, старыхъ людей, упрекаете въ брадовѣріи и обрядовѣріи. Не они, а вы—брадовѣры и обрядовѣры,— закончилъ свою рѣчь запальчивый писатель, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ.

— Вы, должно быть, плохо знаете русскую церковную исторію, — возразилъ никоніанинъ, — если рѣшаетесь утверждать, что древніе русскіе люди были не обрядовѣрами. Помните ли, русскіе люди спрашивали: очень ли грѣшно постучать яйцомъ о зубы до обѣдни? Это ли не грубое обрядовѣріе!

— Помню, помню все это и кое-что другое, — отвѣтилъ разгорячившійся ѳедосѣевецъ,—но не вижу въ этомъ обрядовѣрія. Русскіе люди всякій вопросъ объ обрядѣ связывали съ вопросомъ о душѣ, объ ея чистотѣ и спасеніи. Дѣло не въ яйцѣ и не въ зубахъ, и не о нихъ спрашивалъ монахъ Кирикъ, «вопрошаніе» котораго вы напомнили, а о грѣхѣ: «не грѣхъ ли постучать яйцомъ о зубы до обѣдни?» Пусть этотъ вопросъ дѣтски наивенъ, пусть и самъ Кирикъ тупъ и глупъ, все же этотъ монахъ менѣе обрядовѣренъ, чѣмъ современные культурные и высокообразованные люди.

Это смѣлое утвержденіе писателя-ѳедосѣевца вызвало улыбку на лицахъ его противниковъ, да и единомышленники его, юристъ и директоръ, нѣсколько смутились. Ѳедосѣевецъ тѣмъ не менѣе продолжалъ съ обычной у него горячностью и быстротой:

— Въ самомъ дѣлѣ, Кирика интересовали не зубы и не яйца, а грѣхъ. Понимаете въ чемъ сущность его вопроса. о душѣ онъ заботился, именно о ней; объ ея спасеніи онъ

думалъ, когда ставилъ свой вопросъ, и не о чемъ иномъ. Но о чемъ заботятся современные люди, когда вырабатываютъ и устанавливаютъ фасоны галстуховъ, манишекъ, манжетъ, запонокъ, пуговицъ и т. п. дребедени. Представьте себѣ, что въ свѣтское общество вошолъ глубокомысленный профессоръ и замѣтилъ, что у него совсѣмъ опустился галстухъ или что онъ забылъ поправить манжеты, — отъ одного этого его броситъ въ сильный жаръ. Повѣрьте, если бы нашему Кирику всѣ зубы повыбили яйцами передъ самой обѣдней, онъ меньше бы волновался, чѣмъ этотъ профессоръ изъ-за галстуха или манжетъ, не стоющихъ и одного даже выѣденнаго яйца. А что было бы съ какимъ-нибудь щепетильнымъ современнымъ генераломъ, если бы онъ, будучи въ великосвѣтскомъ салонѣ, вдругъ обнаружилъ, что на его блестящемъ мундирѣ недостаетъ одной пуговицы, понимаете, одной только пуговицы, — онъ пришолъ бы въ гораздо большее отчаяніе, чѣмъ оно у него было бы при сдачѣ цѣлой крѣпости непріятелю. И этотъ профессоръ и этотъ генералъ въ тысячу разъ обрядовѣрнѣе монаха XV вѣка. А они олицетворяютъ собой все современное культурное общество, которое просто утонуло во всевозможнѣйшей обрядности. Я боюсь говорить о современныхъ дамахъ-модницахъ, то же иногда фыркающихъ на былое русское благочестіе. Оставимъ ихъ въ покоѣ. Вы сами знаете, чѣму поклоняются и во что вѣруютъ современныя свѣтскія женщины. Скажу только одно, что и дамскимъ обрядамъ (нарядамъ) воздвигнуто по всему свѣту несравненно больше храмовъ, чѣмъ Богу. Сравните хотя одинъ такой храмъ, какъ построенный Мюромъ и Мерилизомъ въ Москвѣ, съ самымъ богатѣйшимъ храмомъ въ Россіи—храмомъ Христа Спасителя, то же въ Москвѣ воздвигнутомъ, — я увѣренъ, что Мюръ-Мерилизовскій храмъ по свему колоссальному богатству превзойдетъ ни одинъ храмъ Христа Спасителя, а нѣсколько такихъ храмовъ А чѣмъ наполненъ этотъ

свѣтскій храмъ? Для души, для высшихъ запросовъ духа вы не найдете тамъ ни одной вещицы. Во всѣхъ отдѣленіяхъ этого храма идетъ служеніе не по два или по три часа въ недѣлю, какъ въ христіанскихъ храмахъ, а по 12-ти часовъ ежедневно, — служеніе нашему тлѣнному тѣлу, скоропортящейся внѣшности, глупымъ обрядамъ и безумнымъ нарядамъ. Если бы люди XVI и XVII вѣковъ встали изъ гробовъ и взглянули на современную жизнь съ ея внѣшностью и обрядностью, они въ ужасѣ бѣжали бы отъ нея, какъ отъ чумы. Не они, а мы, люди XX вѣка, повинны въ этомъ грѣхѣ обрядовѣрія.

Писателю-старообрядцу никто не возражалъ. Передохнувъ одну секунду, онъ продолжалъ въ повышенномъ тонѣ.

— Мнѣ пришлось быть въ Москвѣ на публичномъ диспутѣ о сущности старообрядчества. Всѣ пренія сводились къ тому, что старообрядчество—обрядовѣрно. Утверждали это съ каѳедры ораторы въ модныхъ сюртукахъ, приглаженные, припомаженные, даже подбритые по послѣднему требованію вѣка. Одинъ изъ нихъ, съ профессорскимъ званіемъ, закончилъ свою рѣчь призывомъ къ старообрядцамъ — отрѣшиться отъ «фетишизма обряда». Въ чемъ заключается этотъ фетишизмъ,—профессоръ не указалъ. Но что онъ самъ фетишистъ, это было ясно безъ всякихъ объясненій или указаній: въ модномъ галстучкѣ, причесанъ по послѣднему требованію современныхъ свѣтскихъ фетишистовъ, бородка эспаньолкой, изъ-за нея блеститъ дорогая булавка. Слушалъ я рѣчь этого ученаго обличителя старообрядцевъ въ поклоненіи обрядамъ и думалъ: «самъ-то ты — сплошная обрядность. Зачѣмъ ты, человѣкъ ученый, больше вниманія удѣляешь своей эспаньолкѣ, чѣмъ ученымъ своимъ трудамъ». Въ наше время можно наблюдать удивительно странные контрасты. Скажите современнымъ культурнымъ людямъ, что старообрядцы требуютъ ходить въ храмъ въ особой одеждѣ—длинныхъ кафтанахъ, — они презрительно пожмутъ плечами

ми: дескать что за невѣжественный народъ эти старообрядцы, не все ли равно въ какой одеждѣ молиться Богу. Сколько ни объясняйте этимъ культурнымъ обвинителямъ, что въ этомъ требованіи выражается именно культурность, т.-е. требованіе чистоты и уваженія къ храму; какъ бы вы ни увѣряли ихъ, что неприлично и нечистоплотно въ той же одеждѣ, въ какой бываешь и въ трактирахъ, и въ кабакахъ, и на улицѣ, и въ клубѣ, итти и въ домъ Божій, — они все равно будутъ твердить одно: «старообрядцы — обрядовѣры, мелочные поклонники внѣшности». Но загляните въ гардеробъ этихъ господъ, вы найдете тамъ многочисленныя свидѣтельства ихъ вопіющаго фетишизма. Правда, особой одежды для молитвы вы не найдете, но за то обрѣтете здѣсь платье и для визитовъ, и для баловъ, и для представительства, и для гулянья, и для домашняго ношенія. Чего вы только въ этомъ гардеробѣ не найдете: и сюртуки, и смокинги, и визитки, и вицъ-визитки, и фраки, и пиджаки, и проч. и проч. Въ ужасъ можно прійти отъ всей этой груды нарядовъ (свѣтской обрядности). Соберите въ одно мѣсто всю церковную обрядность и сравните ее лишь съ однимъ платьемъ культурныхъ людей и только одного мужского рода, повѣрьте — въ этомъ сравненіи церковная обрядность будетъ казаться маленькимъ кустикомъ, а свѣтская — будетъ представлять собой огромный непроходимый лѣсъ. Церковная жизнь чрезвычайно бѣдна обрядностью. Поклоны, да крестное знаменіе — вотъ и всѣ ея обряды. Не то въ свѣтской жизни. Тамъ одни правила здравствованія стоятъ всей книги «Кормчей».

— Читали ли вы книгу «Хорошій тонъ»? — все болѣе и болѣе увлекаясь, продолжалъ свою рѣчь писатель-вѣдосѣвецъ. — Почитайте-ка. Это—уставъ свѣтскаго образованнаго общества. Какихъ только правилъ въ немъ нѣтъ! Въ нихъ все предусмотрѣно, начиная съ того, какъ ходить и какъ одѣ-

ваться и кончая мудрыми наставленіями о ногтяхъ, въ какомъ видѣ они должны быть. Вотъ ужъ обрядовѣры, такъ обрядовѣры. Попробуйте вы за столомъ свѣтскаго общества не въ ту руку взять вилку или не такъ обратиться съ кушаньемъ, васъ признаютъ дикимъ, отсталымъ, неприличнымъ. Есть особыя наставленія, какъ ѣсть фрукты, какъ ѣсть ягоды, какъ выплевывать косточки и проч. Всѣ правила приличій, всѣ обычаи и обряды свѣтскаго культурнаго общества такъ велики по своему количеству и такъ громоздки по своей сложности, что предъ ними пришли бы въ содроганіе даже древніе пустынники, всю жизнь проводившіе въ постѣ и молитвѣ. Всѣ церковные и монастырскіе уставы за всѣ вѣка Церкви — это только маленькій ручеекъ въ сравненіи съ огромнымъ океаномъ уставовъ и правилъ современнаго, такъ называемаго, культурнаго общества. Удивительно, какъ оно, совсѣмъ захлебнувшись въ этомъ океанѣ, осмѣливается еще указывать пальцемъ на церковность, какъ на неразумное поклоненіе внѣшности. Это — великое, я бы сказалъ, безуміе вѣка...

Разошедшійся писатель еще что-то хотѣлъ сказать, но его остановилъ г. директоръ реальнаго училища; однако, послѣдній только продолжилъ мысль оедосѣевца.

— Конечно, — сказалъ онъ, — нужно согласиться, что современное образованное общество обрядовѣрнѣе русскихъ благочестивыхъ людей XVI—XVII вв. Тогда была повышенная религіозность съ глубокимъ и серьезнымъ содержаніемъ, а теперь безсознательное и неразумное поклоненіе голой внѣшности. Мнѣ одинъ нашъ священникъ жаловался: приходитъ къ нему старообрядка теперешняго вѣка, молодая дѣвушка, окончившая высшіе женскіе курсы въ Петроградѣ и проситъ повѣнчать ее съ однимъ его прихожаниномъ, но требуетъ, чтобы допустили ее вѣнчаться непремѣнно въ модной фатѣ. «Я заявляю ей, — разсказываетъ батюшка, — что

у насъ это не принято, нужно имѣть на головѣ платокъ. Ну тогда, — говоритъ, — я повѣнчаюсь въ православномъ (т.-е. никоніанскомъ) храмѣ. Начинаю ей объяснять, что сущность вѣнчанія не въ фатѣ, что существенное въ вѣнчаніи — благословеніе Церкви на брачный союзъ и обѣщаніе брачущихся передъ престоломъ алтаря жить въ неразрывномъ согласіи и любви. Разъясняю, что Церковь имѣетъ свой стиль, отвѣчающій ея церковному духу, что нельзя же его коверкать по капризу мірского общества, нельзя вносить въ Церковь театральность и свѣтскую декорацію. Однако увѣщанія мои не помогли. Образованная дѣвушка не хотѣла свою нелѣпую фату промѣнять на самое возвышенное и самое святое въ таинствѣ брака. Такъ и ушла отъ меня недовольная, разочарованная. А, казалось бы, — закончилъ священникъ свой разсказъ, — она, какъ умная и образованная дѣвица, должна была понять, что требованіе ея безразсудное». Вотъ видите,—сдѣлалъ заключеніе г. директоръ, — какое важное, почти роковое значеніе придаютъ внѣшности (какому-нибудь головному убору) современные молодые люди.

— И они же, эти господа обрядовѣры новаго свѣта,— снова неспокойно заговорилъ писатель, — еще осмѣливаются осуждать старобрядчество за его, такъ сказать, честность къ церковной жизни и за его внѣшность. Я съ глубокимъ негодованіемъ читалъ газетныя описанія публичныхъ старообрядческихъ собраній и съѣздовъ. Репортеры почти не понимаютъ того, что говорится и что обсуждается на старообрядческихъ собраніяхъ. Они обычно описываютъ старообрядческія бороды, типичныя лица, длинное одѣяніе и т. п. Все это имъ кажется чѣмъ-то страннымъ и мрачнымъ. Если бы эти репортеры попали на такое собраніе, на которомъ засѣдали бы такіе бородачи, какъ знаменитые: Достоевскій, Толстой, Короленко, Тургеневъ, Вейнбергъ, Мельниковъ-Печерскій, Даль, Верещагинъ, Леонардо да-Винчи, проф. Богдановъ (знамени-

тый зоологъ-путешественникъ), проф Мечниковъ, проф. Бахметьевъ, проф. Кизеветтеръ, Чупровъ, Таганцевъ, Пашичъ (сербскій министръ-президентъ), Доннесмаркъ (германскій принцъ), Дж. Леббокъ, Альфредъ-Руссель Уоллесъ, Дарвинъ (всѣ трое — всемірно извѣстные англійскіе ученые), Робиндра-Тагоръ (индійскій писатель, удостоенный нобелевской преміи) и другія знаменитости съ нетронутыми бородами; — если бы всѣхъ этихъ лицъ увидѣли репортеры въ одномъ собраніи, они самое собраніе это признали бы какимъ-нибудь допотопнымъ, самихъ участниковъ собранія объявили бы дикарями пещернаго періода, потому что эти господа репортеры до такой степени пропитаны внѣшностью, разнаго рода обрядностью, что только по ней одной и могутъ судить о людяхъ и объ ихъ духовномъ обликѣ.

* * *

— Даже и законодательство наше обрядовѣрно, — поддержалъ г. писателя и г. юристъ. — Оно не отличаетъ таинствъ церковныхъ отъ самыхъ незначительныхъ обрядовъ. Уголовный нашъ законъ одинаково караетъ какъ виновныхъ въ хуленіи Самого Бога, въ Троицѣ славимаго, такъ и виновныхъ въ поношеніи какого-нибудь украшенія на иконахъ или покрывала на жертвенникѣ.

— Да не можетъ этого быть, — чуть ли не въ одинъ голосъ запротестовали почти всѣ участники разговора. Даже ведосѣвецъ усомнился въ правдивости заявленія старообрядца-юриста.

— Вотъ слушайте, — спокойно сказалъ юристъ, и прочелъ слѣдующую статью (73-ю) новаго уголовнаго уложенія: «Виновный въ возложеніи хулы на славимаго въ единосущной Троицѣ Бога, на Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Присно-Дѣву Марію, на Безплотныя Силы Небесныя или на Святыхъ Угодниковъ Божіихъ, въ поруганіи дѣйствіемъ

или въ поношеніи Святыхъ Таинствъ, Святаго Креста, Святыхъ Мощей, Святыхъ иконъ *или другихъ предметовъ*, почитаемыхъ православною или иною христіанскою церковью священными, въ поношеніи Священнаго Писанія, или церкви православной и ея догматовъ, или вообще вѣры христіанской, за сіе богохуленіе или оскорбленіе святыни наказывается если оно учинено: 1) при отправленіи общественнаго богослуженія или въ церкви: срочною каторгою или ссылкою на поселеніе, 2) въ часовнѣ или христіанскомъ молитвенномъ домѣ, или публично, или въ распространенныхъ или публично выставленныхъ произведеніяхъ печати, письмѣ или изображеніи: ссылкою на поселеніе, 3) съ цѣлью произвести соблазнъ между присутствовавшими: заключеніемъ въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ или заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. Если же богохуленіе или оскорбленіе святыни учинено хотя и при условіяхъ, сею статьею указанныхъ, но по неразумѣнію, невѣжеству или въ состояніи опьяненія, то виновный наказывается арестомъ». Видите, — объяснилъ г. юристъ, — тутъ подъ одну категорію преступленій подведены и хула на Бога и Богородицу и поношеніе предметовъ, почитаемыхъ церковно-священными. «Предметами же священными признаются, — говорится въ приложеніи къ этой 73-й статьѣ,— по правиламъ православной церкви: потиры, дискосы, дароносицы, дарохранительницы, звѣздицы, лжицы, копія, рипиды, кресты, евангелія, иконы, мощи, а *равно оклады и украшенія на иконахъ, крестахъ и мощахъ*, сосуды со св. мѵромъ, антиминсы, *покровы и воздухи,* употребляемые для покрыванія потира и дискоса, и *одежды съ престола и жертвенника*»

Указаніе старообрядца-юриста произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Всѣ стали читать и разсматривать приведенную статью, стараясь понять ея смыслъ.

— Статья весьма ясна, — еще разъ пояснилъ ее

г. юристъ, видя недоумѣніе всѣхъ слушателей, — похулите ли вы Бога въ своемъ сочиненіи или непочтительно отнесетесь къ иконному только окладу,—въ томъ и другомъ случаѣ вамъ грозитъ одно наказаніе: ссылка на поселеніе.

— Вотъ не ожидалъ, — воскликнулъ сектантъ, — значитъ ваша церковь, — обратился онъ къ никоніанину, — за одно считаетъ и Господа Бога и одежду на жертвенникѣ.

— При чемъ же тутъ церковь, — возразилъ никоніанинъ, — это не церковный, а гражданскій законъ.

— Господствующая церковь состоитъ въ неразрывномъ союзѣ съ государствомъ и поэтому, — объяснилъ юристъ, — всякое законодательство по дѣламъ вѣры издается съ согласія и предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія правительствующаго синода, т.-е. духовной власти господствующей церкви.

— Вотъ еслибы у старообрядцевъ была такая статья въ ихъ церковномъ кодексѣ, — сказалъ писатель, — сколько бы посыпалось на нихъ обвиненій и въ невѣжествѣ, и въ обрядовѣріи, и въ неумѣніи отличить Бога отъ лжицы, таинствъ церковныхъ отъ матеріи, которой обтянутъ престолъ. Но когда написали эту статью люди высокообразованные, государственные мужи, одаренные глубокой мудростью, и ученымъ опытомъ, — всѣ признаютъ ее дѣльной и умной, все государство предъ ней преклоняется. Говорилъ я, что старообрядцамъ необходимо стремиться всѣми силами занимать высокіе государственные посты, и теперь это подтверждаю. Они не написали бы такой статьи, а строго бы разграничили существенное отъ несущественнаго, Божеское отъ человѣческаго. Больше было бы правды и смысла въ нашемъ законодательствѣ, если бы оно прошло чрезъ старообрядческій духовный фильтръ. Можно смѣло ручаться, что старобрядцы ни въ какомъ случаѣ не подвели бы подъ одну цѣнность и таинства церковныя и рѣзьбу на иконахъ, и Господа Бога и баночку для храненія мура.

— Къ сожалѣнію, наше образованное общество,—заговорилъ г. директоръ,—совсѣмъ не слѣдитъ за собой, не вникаетъ въ свою жизнь съ ея формами, порядками, проявленіями; у него нѣтъ обдуманнаго и критическаго отношенія къ самому себѣ и къ своимъ дѣйствіямъ; поэтому и получается такое самоосуждающее противорѣчіе: оно обвиняетъ другихъ въ томъ, въ чемъ само повинно несравненно больше, чѣмъ имъ обвиняемые. И въ такое положеніе попадаетъ не одно свѣтское общество. Ко мнѣ какъ-то является представитель римско-католической церкви, тонкій и ловкій іезуитъ, съ аристократическими манерами, высокообразованный и ученый. Завязался у насъ разговоръ о старообрядчествѣ. Между прочимъ, онъ спросилъ меня объ одномъ видномъ бѣглопоповцѣ, человѣкѣ съ высшимъ образованіемъ: почему онъ не присоединяется къ старообрядчеству Бѣлокриницкой іерархіи? Я отвѣтилъ, что этотъ бѣглопоповецъ, какъ самъ онъ заявляетъ, сомнѣвается въ правильности крещенія митр. Амвросія: не крещенъ ли онъ обливательно. Моего собесѣдника это сообщеніе даже передернуло. «Какъ,—удивился онъ, — изъ-за этого только т. N. не въ соединеніи съ вами. Человѣкъ вполнѣ культурный, съ высшимъ образованіемъ и обращаетъ вниманіе на такую мелочь. Да не все ли равно, какъ крещенъ митр. Амвросій—обливательно или погружательно, лишь бы во Св. Троицу. Тутъ важно исповѣданіе, догматъ, а не форма». Этотъ высококультурный іезуитъ немало удивлялся такой несовмѣстимости: съ одной стороны—высшее образованіе, съ другой—это требованіе крестить непремѣнно въ три погруженія. Я не сталъ спорить съ моимъ собесѣдникомъ. Мы перешли на другія темы. Долго мы бесѣдовали по разнымъ вопросамъ. Много мы говорили и о римско-католичествѣ. Улучивъ удобный моментъ, я спросилъ высокообразованнаго іезуита: «Допускаетъ ли римско-католическая церковь крещеніе въ одно погруженіе?»—«Ни

въ какомъ случаѣ»,—отвѣтилъ онъ.—«Почему же?—спрашиваю. — Вѣдь вы—культурные люди, европейски образованные: для васъ все равно — одно ли погруженіе совершается при крещеніи или четыре, лишь бы было при этомъ выражено исповѣданіе въ Св. Троицу. Вамъ также должно быть все равно—на хлѣбѣ ли совершается Евхаристія или на чемъ-либо другомъ. Все это—только форма, обрядъ».— Послушали бы вы, какой совершился переворотъ во взглядахъ моего собесѣдника послѣ этихъ моихъ вопросовъ. Онъ развернулъ предо мною богатыя знанія сущности Церкви, ея духа и основъ, ея преданій и жизни. Онъ доказывалъ, что Церковь, это—область неприкосновенная, неизмѣнная, что ея преданія вѣчно живы и дѣйственны, что въ ней присно почиваетъ Духъ Святой и поэтому она всегда юна. Ни о чемъ церковномъ нельзя сказать, что оно устарѣло, отжило свой вѣкъ. Разъ Церковь отвергала еще въ апостольскій вѣкъ крещеніе въ одно погруженіе, она должна до конца вѣковъ стоять на этой точкѣ зрѣнія.—Въ этомъ духѣ чрезвычайно много философствовалъ мой собесѣдникъ. Я съ наслажденіемъ слушалъ его и только замѣтилъ ему: Вотъ и мы, старообрядцы, такъ же смотримъ на Церковь,— разъ она еще въ апостольскій вѣкъ установила крещеніе погружательное, и Самъ Христосъ былъ крещенъ такимъ же способомъ, то Церковь и должна до скончанія вѣка держаться только этого, а не другого какого способа крещенія. И какое бы образованіе мы ни получили, оно не въ силахъ поколебать эту несокрушимую твердость Церкви. И въ римско-католической церкви, и въ русской господствующей, и даже въ протестантствѣ, и въ сектантствѣ, если разобрать всѣ ихъ основы, вы найдете тѣ же черты старообрядчества, противъ которыхъ эти общества борятся, т.-е. неизбѣжный во всякой религіи консерватизмъ. Совершенно неосновательно обвиняютъ только одно старообрядчество въ этомъ «грѣхѣ», ко-

торый собственно есть достоинство истинной Церкви. Еще неосновательнѣе строгую религіозность противопоставлять свѣтской культурѣ и высокому образованію. Можно быть всесторонне образованнымъ человѣкомъ, въ высокой степени культурнымъ и даже глубокоученымъ, и въ то же время— искренно религіознымъ и слѣдовательно честно исполнительнымъ во всѣхъ требованіяхъ исповѣдуемой имъ религіи. И, наоборотъ, можно быть круглымъ невѣждой, совсѣмъ глупымъ и въ то же время презрительно относиться даже къ основнымъ требованіямъ религіи и морали. Истинная и честная наука и благородное образованіе не ведутъ борьбы ни съ совѣстью, ни съ честностью, ни тѣмъ болѣе съ религіей и ея установленіями, отвѣчающими запросамъ и потребностямъ человѣческаго духа. Высокообразованные и ученые люди,— закончилъ г. директоръ,—могутъ быть и должны быть старообрядцами.

— Я бы сказалъ,—дополнилъ г. юристъ:—и только старообрядцами, если, конечно,—оговорился онъ,—эти люди— искренно вѣрующіе въ Господа и въ св. Его Церковь.

— Вотъ въ томъ-то и бѣда,—подхватилъ писатель,—что современное такъ-называемое образованное общество или совсѣмъ погрузилось въ невѣріе или оно только маловѣрно; въ лучшемъ случаѣ—оно не интересуется религіозными вопросами, ему какъ будто стыдно заниматься церковными дѣлами, тѣмъ болѣе—жить по требованію Церкви или, что одно и то же, по завѣтамъ Евангелія Я присматривался къ виднымъ старообрядческимъ дѣятелямъ (писатель перечислилъ рядъ именъ крупныхъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей-старообрядцевъ) и сравнивалъ ихъ съ извѣстными дѣятелями, принадлежащими къ господствующей церкви Удивительное дѣло, — восхищался писатель, — старообрядческіе дѣятели, съ головой погружаясь въ огромное море общественной и государственной жизни, въ то же время не забы-

ваютъ церковныхъ дѣлъ, принимаютъ въ нихъ живѣйшее участіе: они нисколько не сторонятся этихъ дѣлъ, напротивъ—считаютъ своимъ религіознымъ долгомъ, хотя урывками, заниматься ими. У нихъ живетъ повелительная потребность—быть церковными людьми, у нихъ живо сознаніе, что они—члены Церкви и обязаны передъ ней. Ихъ принадлежность къ Церкви обусловливается не пустой формальностью, а живой, сознательной жизнью въ Церкви. Совсѣмъ иначе ведутъ себя члены господствующей церкви. Среди нихъ есть много политическихъ и государственныхъ знаменитостей. Они охотно и даже съ гордымъ сознаніемъ своего долга будутъ усердно заниматься даже такими вопросами, какъ канализація или освѣщеніе города, исправленіе мостовыхъ, обмундированіе городовыхъ и т. п. Но дѣлами Церкви, вопросами души они не занимаются. Имъ какъ-то и не къ лицу высшіе запросы человѣческаго духа. Это все равно, что пирожникъ взялся бы тачать сапоги, а сапожникъ—печь пироги.

— Вы очень несправедливы къ образованнымъ людямъ, принадлежащимъ къ господствующей Церкви,—возразилъ богоискатель.—Чтобы жить и дѣйствовать въ Церкви, нужно прежде всего имѣть эту Церковь. А гдѣ она у насъ въ Россіи. Есть у насъ вѣдомство православнаго исповѣданія, есть консисторіи, рабское духовенство и властное чиновничество, есть тысячи храмовъ и монастырей; а Церкви, какъ совокупности живыхъ и дѣятельныхъ христіанъ, какъ живоноснаго тѣла со всѣми присущими ему членами, нѣтъ. Какъ же намъ жить въ Церкви, когда нѣтъ Церкви. Что могутъ дѣлать въ господствующей церкви, вѣрнѣе—въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія такіе религіозные люди, какъ Мережковскій, Розановъ, Бердяевъ, Булгаковъ, Папковъ, Гучковъ и другіе, когда тамъ нельзя пріобрѣсти въ храмѣ даже подсвѣчникъ безъ разрѣшенія консисторіи. Міряне не пользуются въ господствующей церкви никакими правами. Они воистину—

безсловесное стадо, у котораго единственная обязанность: безропотно отдавать себя на стрижку.

— Но эти господа,—замѣтилъ никоніанинъ,—имѣютъ же право возвышать свой голосъ: они пишутъ по церковнымъ вопросамъ въ газетахъ и журналахъ.

— Такимъ правомъ пользуются и нехристіане и атеисты: они то же пишутъ въ газетахъ по разнымъ церковнымъ дѣламъ. Это мастерство, говорятъ, доходное. Но я говорю не о правѣ газетныхъ и журнальныхъ работниковъ,—на газетныхъ столбцахъ они рѣшаютъ и большіе государственные и даже мировые вопросы,—я говорю о правѣ *членовъ Церкви* непосредственно участвовать въ церковной жизни, дѣятельности, духовномъ строительствѣ, говорю именно о правѣ, а не о добровольныхъ и случайныхъ подслуживаніяхъ или чиновничьихъ обязанностяхъ. Вотъ этого права мірянъ и нѣтъ въ господствующей церкви. Тамъ даже нѣтъ мірянъ, т.-е. имѣющихъ священное достоинство христіанъ, а есть одни безправные и безгласные рабы.

— Почти въ такомъ же положеніи міряне находятся и въ католицизмѣ и протестантизмѣ,—заявилъ писатель-вѣдосѣвецъ.—Въ римско-католической церкви папизмъ проглотилъ всѣ права не только мірянъ, но и духовенства. Все римско-католичество заключается въ одномъ папѣ. Въ протестантствѣ же нѣтъ церковнаго союза, нѣтъ церкви, а есть лишь отдѣльныя личности, живущія сами по себѣ. Протестантами правятъ короли и государства. Протестантъ даже не можетъ чувствовать себя членомъ единой общей церкви, потому что такой церкви нѣтъ у него.

***

Продолжительная бесѣда сильно утомила нашихъ собесѣдниковъ, они уже безпокойно поглядывали на часы, стрѣлка на которыхъ неустанно подвигалась все дальше и даль-

ше и пришло уже далеко за полночь. Пароходная публика давно попряталась по каютамъ и мирно почивала. Спала уже и пароходная прислуга.

— Пора спать, господа, — почти повелительно сказалъ г. директоръ реальнаго училища.—Поговорили о многомъ и довольно на этотъ разъ.

Директоръ всталъ, распрощался со всѣми и вышелъ изъ салона, за нимъ пошли и остальныя лица, каждый въ свою каюту. Въ салонѣ остался одинъ лишь юристъ: у него не было каюты, поэтому онъ рѣшилъ заснуть тутъ же, въ салонѣ. Но заснуть не могъ. Слишкомъ напряженное вниманіе, которое проявлялъ юристъ во время бесѣды, хотя и утомило его физически, но духовно ободрило, взволновало, всколыхнуло въ немъ душевныя силы. Онъ вышелъ на палубу, и, увидѣвъ горѣвшую на небѣ зарю, задумался

«Какъ все таинственно и загадочно въ нашемъ мірѣ,— думалъ онъ, обводя глазами широкую даль, покрытую молодымъ лѣсомъ, верхушки котораго начали сіять отъ медленно выплывавшаго изъ-за горизонта солнца. — Только-что была ночь, въ этомъ лѣсу было мрачно-молчаливо, жутко, все въ немъ притаилось, замерло; а съ восходомъ солнца въ этомъ же лѣсу все оживетъ, заговоритъ, птички дерзновенно запорхаютъ и отважно запоютъ, пойдутъ по лѣсу люди спокойно и увѣренно, безъ жути и страха. Какъ все это напоминаетъ исторію старообрядчества. Какой жуткой темнотой окутано его прошлое, сколько великихъ тайнъ сокрыто въ этой вѣковой дали, уходящей отъ насъ все дальше и дальше въ глубину временъ. Горѣли костры, вздымались висѣлицы, строились плахи, наполнялись тюрьмы, подземныя ямы. А старообрядцы все шли и шли. Шли тысячами и десятками тысячъ чрезъ удушливыя темницы и подземелья, чрезъ обагренныя кровью плахи и горящіе костры. О, какая свѣтлая, великая тор-

жественность въ этомъ дивномъ шествіи старообрядцевъ. Какая христіанская душа не склонится смиренно предъ этимъ апостольскимъ подвигомъ нашихъ славныхъ, могучихъ духомъ предковъ. Скорбнымъ и кровавымъ путемъ они шли къ Христу. Достиженіе Господа—вотъ что было цѣлью ихъ многострадальной жизни. Какъ хочется, пламенно, жадно хочется, чтобы эти страшныя времена вернулись вотъ теперь сейчасъ».

Подумавъ объ этомъ и даже проговоривъ про себя эти слова, старообрядецъ-юристъ внутренно запылалъ и засвѣтился, онъ точно на яву увидѣлъ страданія своихъ предковъ. Съ невѣроятной силой ему захотѣлось почувствовать и пережить въ своей душѣ эти страданія Но сила эта какъ-то сразу отхлынула отъ него, онъ ослабѣлъ, въ одно мгновеніе его охватило маловѣріе.

«Нѣтъ, — думалъ онъ, — я не выдержалъ бы ни одного изъ тѣхъ мученій и тѣхъ пытокъ, которымъ подвергались старообрядцы, мои дѣды и отцы. Всѣ мы, милліоны теперешнихъ людей, — мимолетная пыль, презрѣнное ничтожество въ сравненіи хотя бы съ одной Меланіей, смѣло взошедшей на костеръ и умершей на немъ спокойно, радостно, даже торжественно. Она должно быть не чувствовала боли. Да, не чувствовала,—рѣшилъ юристъ,— потому что она въ этотъ моментъ жила не тѣломъ, а духомъ. она непосредственно соединялась съ Христомъ. Радость ея понятна. Она торжествовала не только надъ своими врагами, но и надъ человѣческой плотью. О, большое это зло—наша плоть,—почти вскрикнулъ юристъ,—въ ней наша погибель.. Мы сдѣлали ее своимъ идоломъ, своимъ богомъ и кланяемся ей и только ей одной. Обвиняютъ нашихъ предковъ въ поклоненіи обряду, — улыбнулся онъ внутрь себя, — а они были одухотворенными людьми, почти безплотными. Идя на пытку, на смерть, они презирали все земное, тлѣнное, смерт-

ное, и помышляли только о духовномъ, только объ одномъ Богѣ. Въ ихъ глазахъ и въ ихъ жизни всѣ церковные обряды были живыми, ощутимыми заповѣдями Христа и св Его Церкви. Нѣтъ, нужны бы въ наше время жестокія гоненія,—снова подумалъ о нихъ юристъ, вдохновляемый величавыми образами старообрядческихъ подвижниковъ, которые воскресали въ его сознаніи.—Посмотрѣлъ бы я кто изъ васъ оказался бы сильнѣе духомъ: съ одной стороны стоялъ бы протопопъ Аввакумъ, отстаивающій старые азы, а съ другой—вы, современные духовные христіане,—мысленно обратился къ нимъ юристъ,—разсуждающіе о высокихъ предметахъ, философствующіе о какой-то духовности, презирающіе не только азы, но всю азбуку. Кто бы изъ васъ первымъ пошелъ на костеръ умирать за свои великія идеи. За Аввакума я ручаюсь, лучшей порукой онъ самъ, что онъ безъ всякаго смущенія, безъ малѣйшаго колебанія пошелъ бы собственной жизнью отстаивать свои азы, и именно потому, что онъ признаетъ ихъ Божьими, Христовыми азами. Ну, а вы, поклонники заманчивыхъ мечтаній,—юристъ почти вслухъ засмѣялся,—вы отъ всего своего и Божьяго отреклись бы въ одинъ мигъ ради самого низкаго обряда—своей грѣхолюбивой плоти. И вы еще смѣете,—съ негодованіемъ думалъ юристъ, — бросать нашимъ предкамъ жестокій упрекъ въ обрядовѣріи».

Утомленный долгой бесѣдой, потерявшій душевное равновѣсіе, старообрядецъ-юристъ не могъ остановиться на какой-нибудь одной мысли. Разгоряченное воображеніе его металось то въ одну сторону, то въ другую.

«Кто знаетъ, — разыышлялъ онъ, — какой періодъ старообрядческой исторіи нужно считать свѣтлымъ и какой темнымъ. Въ очахъ Божіихъ времена гоненій — самая свѣтлая, самая спасительная полоса нашей жизни. Тутъ мы жили съ Господомъ и ради Господа. Земная

наша жизнь со всѣми ея скорбями и страданіями становилась небесной, божественной. Въ сердцахъ нашихъ ярко горѣлъ огонь вѣры пылало пламя подвига, чистоты, любви. Мы дѣйствительно восходили до небесъ своей вѣрой и подвигами, своими постоянными стремленіями къ Спасителю-Богу. При свободѣ же религіозной мы какъ-то легко забываемъ дѣла вѣры, мы погружаемся въ глубину мелкихъ совсѣмъ ненужныхъ и даже вредныхъ для человѣческой души заботъ, дрязгъ, суеты. Въ вольной жизни мы отдаляемся отъ Бога. И такое время дѣйствительно мрачное, жуткое. Нашимъ предкамъ, гонимымъ и преслѣдуемымъ, было, несомнѣнно, радостнѣе, чѣмъ намъ, живущимъ свободно и привилегированно. У нихъ не было никакихъ сомнѣній ни въ своей вѣрѣ, ни, тѣмъ болѣе, въ Богѣ. Покой и радость сіяли въ ихъ душѣ. А чѣмъ живетъ современное поколѣніе? Одними сомнѣніями, разочарованіями или несбыточными мечтаніями, вздорными иллюзіями. Постоянно грызетъ ихъ душу невѣріе и отчаяніе. Какъ бываетъ тяжело отъ такого состоянія. Оно невыносимо, какъ пытка. Недаромъ же въ наше время такъ много самоубійствъ. Кончаютъ расчеты съ жизнью все больше молодые люди, здоровые и цвѣтущіе физически. Нѣтъ, пусть лучше снова засвѣтится міръ кострами и украсится висѣлицами и плахами, но только бы не было у людей этого убійственнаго опустошенія души. Какіе-то больные, разслабленные люди нашего времени»

Юристъ сталъ припоминать всѣ темы только-что законченнаго разговора.

«Удивительно бездушные люди — эти интеллигенты нашего вѣка, — думалъ о нихъ юристъ, — о душѣ, о ея спасеніи они нисколько не помышляютъ. Имъ бы только бороду свою холить, да ѣсть что попало,—вотъ и всѣ ихъ жизненные идеалы. Въ духѣ и истинѣ они хотятъ служить Богу,—снова улыбнулся юристъ внутрь себя,—а у самихъ

нѣтъ ни духа, ни истины. Поболтать языкомъ они умѣютъ, ужасно любятъ они говорить о высокихъ матеріяхъ. Но и только. Въ этомъ и замѣчается весь ихъ духъ и истина Самая плохая матерія—плоть совсѣмъ покорила и побѣдила ихъ. Только ради нея они и живутъ».

Разгнѣванный и раздосадованный юристъ началъ ходить по палубѣ. Эта маршировка нѣсколько успокоила его. Мрачныя мысли стали покидать его Онъ думалъ теперь о будущемъ старообрядчества.

«Таинственно его прошлое, но еще таинственнѣе его будущее. Кто знаетъ, что съ нимъ совершится. Въ царствованіе Анны Ивановны русское правительство серьезно было увѣрено, что въ Россіи совсѣмъ нѣтъ старообрядцевъ, до того они были сжаты и загнаны. Старообрядцы не смѣли говорить о себѣ, а теперь они — огромная многомилліонная сила Россіи. Несомнѣнно, мы дальше еще увеличимся. Старообрядцы совсѣмъ разрушатъ господствующую церковь. Безъ всякихъ съ нашей стороны усилій старообрядцы займутъ и губернаторскіе и министерскіе посты. Сама жизнь продвинетъ ихъ туда. Но что пользы отъ этого Церкви старообрядческой. Развѣ въ этомъ ея сила. Не объ этомъ внѣшнемъ величіи, показномъ и ненужномъ, слѣдуетъ намъ заботиться Все это—прахъ и пепелъ. Намъ нужно душевное спасеніе а его не дадутъ ни губернаторы, ни министры, ни даже цари. Намъ нужно Царство Христа, а оно созидается внутренними духовными нашими силами, созидается благодатью Божіей, которую необходимо имѣть въ сердцѣ своемъ. Старообрядческая Церковь подлинно Христова Церковь со всѣми ея признаками. Она свободна въ своей внутренней жизни, независима отъ какой бы то ни было внѣшней власти. Всѣ члены старообрядческой Церкви пребываютъ въ ней совершенно свободно, по доброй ихъ волѣ, никто и никакія обстоятельства не удерживаютъ ихъ здѣсь принудительно. Не

хочешь быть членомъ старообрядческой Церкви, уходи хотя сейчасъ, сію минуту. Старообрядческая Церковь вполнѣ соборная: въ ея жизни, дѣятельности принимаютъ участіе всѣ члены—и духовныя лица и мірскія. И на Освященныхъ Соборахъ, и на епархіальныхъ съѣздахъ, и на приходскихъ собраніяхъ—всюду эта соборность выражается полно, совершенно. Мы, міряне, сами по своей доброй волѣ избираемъ себѣ пастыря. Мы имѣемъ право просить и настаивать объ его удаленіи, если онъ чѣмъ-либо не отвѣчаетъ своему пастырскому достоинству. Избраніе и удаленіе пастырей, это—драгоцѣнное право Церкви, оно идетъ съ первыхъ дней ея существованія. Пастырство у насъ не сословное, не классовое, а народное, подлинно церковное. У такой Церкви, свободной, независимой, народной, должно быть большое и свѣтлое будущее. Но оно можетъ быть при условіи непрестанной и всевозрастающей дѣятельности живыхъ силъ Церкви. Къ сожалѣнію мы, старообрядцы, мало, слишкомъ мало проявляемъ церковно-общественной дѣятельности»

Юристъ замедлилъ свои шаги Онъ взглянулъ на солнце, и оно дало ему притокъ новыхъ мыслей

«Церковь, — размышлялъ онъ, — подобно солнцу. Какъ часто оно заволакивается сѣрыми и мрачными облаками. Бываетъ, цѣлыми днями не видать его. Становится холодно, на душѣ тоскливо. Зато послѣ такого состоянія сильнѣе и радостнѣе чувствуется согрѣвающая теплота проясняющагося солнца. Сколько мрачныхъ періодовъ пережила Церковь, иногда казалось — она совсѣмъ замерла. Потомъ снова возраждалась, и благодатный свѣтъ ея свѣтилъ ярко и повелительно велъ за собой милліоны вѣрующихъ людей. Современная свобода старообрядческой Церкви, что касается положенія ея въ государствѣ, несетъ въ себѣ много соблазнительныхъ приманокъ. Подъ ихъ вліяніемъ Церковь можетъ обмірщиться, забывъ свои задачи, па-

стыри мотутъ превратиться въ чиновниковъ или ремесленниковъ своего дѣла. Необходима постоянная борьба со всякаго рода увлеченіями. Насъ соблазняютъ церковными переворотами, хорошими красивыми словами манятъ насъ на путь прогресса, какого-то развитія въ предѣлахъ всего міра О, это опасный путь. На немъ легко споткнуться и разбиться. Въ старообрядчествѣ,—мечталъ юристъ,—нарождается великая общественная и умственная сила—интеллигенція. Но полезной для старообрядчества она можетъ быть только тогда, когда будетъ церковной, глубоко впитавшей въ себя духъ Христовъ, понявшей задачи Церкви. Въ противномъ случаѣ она будетъ только соблазномъ и даже зломъ въ старообрядчествѣ. Интеллигенція,—съ досадой подумалъ юристъ, — это — непостоянная сила, мечущаяся въ разныя стороны по дуновенію вѣтра. Это—острый ножъ, съ которымъ нужно обращаться умѣло и съ большой осторожностью. Конечно, все во власти Бога,—успокоительно произнесъ юристъ,—безъ Него всѣ наши планы и замыслы ничто. Но работать все же нужно надъ укрѣпленіемъ и развитіемъ старообрядчества. Лѣнивымъ и Богъ не помогаетъ».

Продолжительный свистокъ парохода заставилъ юриста прервать свои думы и размышленія. Пароходъ приставалъ къ той пристани, гдѣ долженъ сходить юристъ. Онъ забралъ свои вещи въ салонѣ и сошолъ съ парохода.